

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 6 / 2017

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор,
Блажеев В.В., кандидат юридических наук, профессор,
Бублик В.А., доктор юридических наук, профессор,
Голиченков А.К., доктор юридических наук, профессор,
Перевалов В.Д., доктор юридических наук, профессор,
Калиниченко И.А., кандидат педагогических наук,
Капустин А.Я., доктор юридических наук, профессор,
Кропачев Н.М., доктор юридических наук, профессор,
Курилов В.И., доктор юридических наук, профессор,
Фальков В.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Суровов С.Б., доктор социологических наук, профессор,
Шевелева Н.А., доктор юридических наук, профессор,
Шишко И.В., доктор юридических наук, профессор

Главный редактор журнала:

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Свистунов А.А., кандидат юридических наук, доцент,
Субботин В.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Лопатин В.А., кандидат юридических наук, доцент,
Цареградская Ю.К., кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь журнала:

Шенгелиа Г.А.

Главный редактор ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

ИГ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СТАТЬЯ НОМЕРА

Трыканова С.А. Актуальные направления совершенствования организационно-правовых подходов к реализации академической мобильности в системе высшего образования РФ 3

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

**Кириченко Ю.Н., Войнов П.Н., Устинов А.А.,
Медведев А.В.** Совершенствование подготовки сотрудников полиции к эффективному применению специальных средств 6

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Смирнов В.В. Подход к внедрению инновационного мультимпликатора в Российской Федерации 10

ДИСКУССИОННАЯ АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ТРИБУНА

Адилев С.А. Полномочия следственного судьи в сфере доказывания при производстве досудебного расследования в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан 14

Россинский С.Б., Челохсаев О.З. О понятии и сущности принципов уголовного судопроизводства 20

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Максимова Д.А. Развитие евразийской интеграции как предпосылка к совершенствованию систем организации государственного финансового контроля в странах Евразийского экономического союза 27

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Габай П.Г., Карапетян Р.Ю. Ответственность пациента за клевету и распространение ложных сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию медицинского работника и медицинской организации 31

Назаренко Б.А. Налоговая выгода: этапы развития концепции и проблемы оценки ее обоснованности 38

Стрелкова Ю.В. Механизмы выявления связи вердикта присяжных с информацией, представленной в ходе судебного разбирательства 44

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Центр редакционной подписки:

Тел./факс: (495) 617-18-88

Адрес редакции / издателя:

115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7.
Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8.
Печать офсетная.
Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 6,0.
Общий тираж 2000 экз.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

Подписка по России:
Каталог «Роспечать» – инд. 47641,
а также через www.gazety.ru
ISSN 1813–1190
Подписано в печать 15.05.2017.
Номер вышел в свет 29.06.2017.

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

№ 6 / 2017

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT THE STATE PRESS COMMITTEE. Registration PI № ФС77-29362 23.08.2007

The magazine is published in cooperation with Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Founder: Publishing Group "JURIST"

Editorial Board:

Baranov V.M., doctor of juridical sciences, professor,
Blazhev V.V., candidate of juridical sciences, professor,
Bublik V.A., doctor of juridical sciences, professor,
Golichenkov A.K., doctor of juridical sciences, professor,
Perevalov V.D., doctor of juridical sciences, professor,
Kalinichenko I.A., candidate of pedagogical sciences,
Kapustin A.Ya., doctor of juridical sciences, professor,
Kropachev N.M., doctor of juridical sciences, professor,
Kurilov V.I., doctor of juridical sciences, professor,
Fal'kov V.N., candidate of juridical sciences, assistant professor,
Surovov S.B., doctor of sociological sciences, professor,
Sheveleva N.A., doctor of juridical sciences, professor,
Shishko I.V., doctor of juridical sciences, professor

Editor in Chief of the Journal:

Matskevich I.M., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief:

Svistunov A.A., candidate of juridical sciences,
assistant professor,
Subbotin V.N., candidate of pedagogical sciences,
assistant professor,
Lopatin V.A., candidate of juridical sciences,
assistant professor,
Tsaregradskaya Yu.K., candidate of juridical sciences,
assistant professor

Executive Editor of the Journal: Shengelya G.A.

Editor in Chief of Publishing Group "JURIST":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "JURIST":

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of juridical sciences

**Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation for publication of results
of doctoral and candidate theses.**

ARTICLE OF THE ISSUE

Trykanova S.A. Relevant Areas for Improvement
of Organizational Legal Approaches to Implementation
of Academic Mobility in Higher Education System
of the Russian Federation 3

SCIENTIST AND TEACHER TRAINING ISSUES

**Kirichenko Yu.N., Voynov P.N., Ustinov A.A.,
Medvedev A.V.** Improvement of Police Officer Training
for Efficient Application of Special Means 6

EDUCATIONAL POLICY

Smirnov V.V. Approach to Innovative
Multiplier Implementation in the Russian Federation 10

DISCUSSION ANTI-CRIME TRIBUNE

Adilov S.A. Powers of Investigative Judge in Proving
Sphere at Pre-Trial Investigation in Criminal Proceedings
of the Republic of Kazakhstan 14

Rossinsky S.B., Chelokhsaev O.Z.
On Notion and Essence of Criminal Proceedings Principles 20

DISCUSSION TRIBUNE OF INTERNATIONAL LAW

Maksimova D.A. Development of Eurasian Integration
as Prerequisite for Improvement of State Financial Control
Arrangement System in Countries
of the Eurasian Economic Union 27

DISCUSSION TRIBUNE OF LEGAL RESEARCH

Gabay P.G., Karapetyan R.Yu. Patient's Liability for Slander
and Distribution of False Data Defaming Honour,
Dignity and Business Reputation of Healthcare Worker
and Healthcare Organization 31

Nazarenko B.A. Tax Benefit: Concept Development Stages
and Its Substantiation Evaluation Issues 38

Strelkova Yu.V. Mechanism for Revelation
of Connection between Jury Verdict and Information
Presented in Course of Court Proceedings 44

Authors shall not pay for publication
of their articles.

Editorial Subscription Centre:

Tel./fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

Tel./fax: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya,

Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37

Size 60x90/8. Offset printing.

Printer's sheet 6,0.

Conventional printing sheet 6,0.

Circulation 2000 copies.

Complete or partial reproduction
of materials without written permission
of the editorial office shall be prosecuted
in accordance with law.

Subscription in Russia:
Rospechat' – 47641, www.gazety.ru

ISSN 1813-1190

Signed for printing 15.05.2017.

Issue was published 29.06.2017.

DOI : 10.18572/1813-1190-2017-6-3-5

Актуальные направления совершенствования организационно-правовых подходов к реализации академической мобильности в системе высшего образования РФ

Трыканова С.А.*

Цель. Академическая мобильность является одной из новаций системы современного высшего образования в РФ в связи с подписанием в 2003 г. РФ Болонской декларации. В настоящее время отмечаются противоречия в интерпретации данного понятия в международно-правовых документах и нормах национального права РФ. Данные контекстуальные правовые противоречия являются причинами установления равноправного научно-образовательного взаимодействия РФ с партнерами по единому европейскому образовательному пространству. **Методология:** диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований. **Выводы.** Во-первых, необходимо гармонизировать российское и международное право в области определения понятия «академическая мобильность». Берлинское коммюнике (2003 г.) называет «мобильность студентов, академического и административного персонала основой создания европейского пространства высшего образования». Во-вторых, в целях развития организационно-правовых подходов в системе государственного управления в области высшего образования по направлению «развитие академической мобильности» предлагается: 1) органам федеральной власти разработать и утвердить Стратегию развития академической мобильности в Российской Федерации; 2) органам государственной власти субъектов РФ на основе принятой Стратегии развития академической мобильности в Российской Федерации разработать и принять Концепции развития академической мобильности субъекта Российской Федерации. Стратегия развития академической мобильности в Российской Федерации (далее — Стратегия) по своему содержанию должна определять принципы, приоритетные направления, цели, задачи и инструменты развития академической мобильности в России. Целью Стратегии является формирование системного подхода к развитию академической мобильности на государственном и институциональном уровнях, создание благоприятных условий для развития международного сотрудничества в области образования и науки. Стратегия призвана способствовать достижению основных целей модернизации и повышения конкурентоспособности системы высшего образования России и социально-экономического развития. Концепции развития академической мобильности субъекта РФ должны обеспечить реализацию основных приоритетов Стратегии с учетом местных особенностей для создания благоприятных условий развития академической мобильности в регионах РФ. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование определяет направления совершенствования организационно-правовых подходов реализации академической мобильности, позволит создать благоприятные условия для дальнейшей модернизации российского высшего образования.

Ключевые слова: академическая мобильность, международное право, европейское пространство высшего образования, государственное управление, высшее образование, стратегический подход, Совет Европы, федеративное государство, гармонизация правовых систем, взаимодействие международного и национального права.

Relevant Areas for Improvement of Organizational Legal Approaches to Implementation of Academic Mobility in Higher Education System of the Russian Federation

Trykanova S.A.**

Purpose. Academic mobility is one of the innovations of the system of modern higher education in Russia in connection with the signing of the Bologna Declaration in 2003. At present time, there are contradictions in the interpretation of this concept in international Law legal documents and norms of national law of Russian Federation. These contextual legal contradictions are the reasons for establishing equal scientific and educational cooperation between the Russian Federation and partners in the equal the European educational space. **Methods:** dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, method of intersectoral legal research. **Results.** First, it is necessary to harmonize Russian and international law in the definition of the concept of “academic mobility”. The Berlin communique (2003) calls “mobility of students, academic and administrative staff the basis for the creation of the European space for higher education”. Secondly, in order to develop organizational and legal approaches in the system of public administration in the field of higher education in the direction of the development of academic mobility, it is proposed: 1) the bodies of

* ТРЫКАНОВА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА, доцент кафедры конституционного и муниципального права Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, научный руководитель Центра сравнительных исследований и научно-образовательного взаимодействия Рязанского государственного радиотехнического университета (РГРТУ), svetlana.trykanova@gmail.com

** ТРЫКАНОВА СВЕТЛАНА А., Assistant Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Ryazan State University named for S. Yesenin, Head of Research of the Centre for Comparative Research and Scientific and Educational Cooperation of the Ryazan State Radio Engineering University (RSREU).

the federal authority have to develop and approve the Strategy for the Development of Academic Mobility in the Russian Federation; 2) the state authorities of the constituent entities of the Russian Federation on the basis of the adopted Strategy for the Development of Academic Mobility in the Russian Federation have to develop and adopt the Concept for the Development of Academic Mobility of the Subject of the Russian Federation The Strategy for the Development of Academic Mobility in the Russian Federation (hereinafter referred to as the "Strategy") should determine the principles, priorities, objectives, Tasks and tools for the development of academic mobility in Russia. The purpose of the Strategy is the formation of a systematic approach to the development of academic mobility at the state and institutional levels, the creation of favorable conditions for the development of international cooperation in the field of education and science. The strategy is designed to contribute to the achievement of the main goals of modernization and enhancing the competitiveness of the system of higher education in Russia and socio-economic development. The concept of the development of academic mobility of a constituent entity of the Russian Federation should ensure the implementation of the main priorities of the Strategy, taking into account local peculiarities for creating favorable conditions for the development of academic mobility in the regions of the Russian Federation. **Scientific and practical significance.** This study under the review determines the direction of improvement of organizational and legal approaches to the implementation of academic mobility will create favorable conditions for the further modernization of Russian higher education.

Key words: academic mobility, international law, European higher education space, public administration, higher education, strategic approach, Council of Europe, federal state, harmonization of legal systems, interaction of international and national law.

Высшее образование является стратегически важным направлением развития современной России. В этой связи проводится совершенствование организационно-правовой основы модернизации системы высшего образования. Академическая мобильность является одной из новаций системы современного высшего образования в РФ, и в этой связи существует необходимость анализа эффективности регулирования организационно-правовых подходов реализации данного критерия эффективности деятельности вузов.

Академическая мобильность как категория современной реформы высшего образования в РФ и эффективности деятельности вузов имеет международно-правовой контекст.

19 сентября 2003 г. в Берлине на совещании министров образования Европы к Болонской декларации о формировании единого европейского пространства высшего образования присоединилась Россия. В Берлинское коммюнике была внесена соответствующая запись: «Министры приняли решение о принятии заявлений Албании, Андорры, Боснии и Герцеговины, Ватикана, России, Сербии и Монтенегро, „бывшей Республики Югославии Македонии“ на членство, увеличивая, таким образом, число участников до 40 европейских стран»¹.

В 2009 году Российская Федерация перешла на Болонскую систему². В декабре 2012 года был принят новый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»³.

Академическая мобильность в рамках интеграции России в Болонский процесс определяется как один из главных критериев эффективности деятельности вузов. Следует отметить, что организационно-правовое регулирование определения данного критерия требует определенной законодательной работы в целях решения следующих актуальных вопросов.

Во-первых, необходимо гармонизировать российское и международное право в области определения понятия «академическая мобильность». Берлинское коммюнике (2003 г.) называет «мобильность студентов, академического и административного персонала основой создания европейского пространства высшего образования»⁴.

Мобильность преподавателей, студентов и выпускников является одним из основополагающих элементов Болонского процесса, который создает возможности для личностного роста, развития международного сотрудничества между людьми и институтами, повышая качество высшего образования и научных исследований и вкладывая реальную жизнь в понятие европейского пространства⁵.

Под академической мобильностью также понимается возможность для студентов, преподавателей, административно-управленческого персонала вузов перемещаться из одного вуза в другой с целью обмена опытом, получения тех возможностей, которые по какой-либо причине не доступны в своем вузе, преодоления национальной замкнутости и приобретения общеевропейской перспективы⁶.

¹ Коммюнике от 19 сентября 2003 г. № б/н «Коммюнике конференции министров, отвечающих за высшее образование» [Электронный ресурс] // URL: http://www.lexed.ru/search/detail.php?ELEMENT_ID=4626 (дата обращения: 24.04.2017).

² Федеральный закон от 24 октября 2007 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)» (с изм. и доп.) (утратил силу с 1 сентября 2013 г. связи с принятием Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».

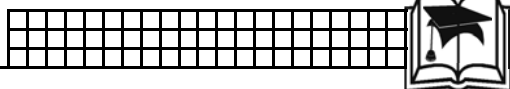
³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) «Об образовании в Российской Федерации»

(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Коммюнике от 19 сентября 2003...

⁵ Лондонское коммюнике министров высшего образования «К Европейскому пространству высшего образования: откликаясь на вызовы глобализованного мира» (18 мая 2007 года) / Conference of European Higher Education Ministers (London, 17-18 May 2007) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sgu.ru/node/30371> (дата обращения: 24.04.2017).

⁶ Рекомендация No. R (95) 8 Комитета министров Совета Европы государствам — членам по академической мобильности [Электронный

Академическая мобильность, в свою очередь, представляет собой один из видов реализации сетевой формы обучения в соответствии со ст. 15 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которая определяется как форма реализации образовательных программ, обеспечивающая возможность освоения обучающимся образовательной программы с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также (при необходимости) с использованием ресурсов иных организаций⁷.

Согласно Методике расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования 2016 года академическая мобильность отождествляется с показателем Е. 3. Международная деятельность (Удельный вес численности иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент))⁸.

Следовательно, в настоящий период действующие нормы национального права не в полной мере отражают контекст понятия «академическая мобильность», не учитывают мобильность «внутреннюю» (внутри образовательного пространства РФ) и «внешнюю» (мобильность российских студентов, молодых ученых и профессорско-

преподавательского пространства в международном образовательном пространстве).

Во-вторых, в целях развития организационно-правовых подходов в системе государственного управления в области высшего образования по направлению «развитие академической мобильности» предлагается:

1) органам федеральной власти разработать и утвердить Стратегию развития академической мобильности в Российской Федерации;

2) органам государственной власти субъектов РФ на основе принятой Стратегии развития академической мобильности в Российской Федерации разработать и принять Концепцию развития академической мобильности субъекта Российской Федерации. Стратегия развития академической мобильности в Российской Федерации (далее — Стратегия) по своему содержанию должна определять принципы, приоритетные направления, цели, задачи и инструменты развития академической мобильности в России. Целью Стратегии является формирование системного подхода к развитию академической мобильности на государственном и институциональном уровнях, создание благоприятных условий для развития международного сотрудничества в области образования и науки. Стратегия призвана способствовать достижению основных целей модернизации и повышения конкурентоспособности системы высшего образования России и социально-экономического развития. Концепции развития академической мобильности субъекта РФ должны обеспечить реализацию основных приоритетов Стратегии с учетом местных особенностей для создания благоприятных условий развития академической мобильности в регионах РФ.

Совершенствование организационно-правовых подходов реализации академической мобильности позволит создать благоприятные условия для дальнейшей модернизации российского высшего образования.

ресурс] // URL: <http://www.lexed.ru/mpravo/razdel4/?doc14.html> (дата обращения: 24.04.2017).

⁷ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) «Об образовании в Российской Федерации»...

⁸ Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования 2016 года (на основе данных формы № 1-Мониторинг за 2015 год) (утв. Министерством образования и науки РФ 21 марта 2016 г. № АК-6/05вн) // СПС «КонсультантПлюс».

DOI : 10.18572/1813-1190-2017-6-6-9

Совершенствование подготовки сотрудников полиции к эффективному применению специальных средств

Кириченко Ю.Н., Войнов П.Н., Устинов А.А., Медведев А.В.*

Цель. В непростых условиях существования современного общества повышенные требования предъявляются к профессиональной деятельности сотрудников полиции, связанной с применением огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы. В настоящей статье предполагается выявить мнения сотрудников патрульно-постовой службы полиции по вопросу применения специального средства «палка специальная» в условиях, связанных с задержанием правонарушителей. Планируется выявить ключевые элементы работы с палкой специальной, способствующие эффективным действиям при задержании активно сопротивляющегося правонарушителя, а также дать рекомендации для совершенствования тактико-технических действий в данном направлении. **Методология:** общенаучные диалектические методы познания социально-правовых явлений и процессов, анализ и оценка, анкетирование, а также частнонаучные методы познания, логический, структурно-системный, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, статистический. **Выводы.** Проведенное анкетирование свидетельствует о том, что для успешного задержания правонарушителя с использованием палки специальной сотрудники полиции должны придерживаться следующих требований:

- уделять внимание совершенствованию таких физических качеств, как сила и быстрота;
- задержание правонарушителя необходимо проводить, используя минимальный отрезок времени (до 5 секунд);
- рассчитывая на свою тактико-техническую подготовленность, сотрудники полиции должны иметь в запасе широкий диапазон умений и навыков работы с палкой специальной в условиях активного сопротивления преступника;
- атакующие и контратакующие действия должны быть приоритетными;
- осуществляя подготовку, особое внимание необходимо обращать на совершенствование ударных и удушающих действий.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование позволяет определить основные направления совершенствования подготовки сотрудников полиции к эффективному применению специальных средств, стоящих на вооружении в органах внутренних дел. Выводы, содержащиеся в исследовании, могут быть востребованы сотрудниками полиции при подготовке к выполнению оперативно-служебных задач в условиях, связанных с задержанием правонарушителей.

Ключевые слова: специальные средства, палка специальная, задержание, физические качества, атакующие действия, правонарушитель, стаж службы.

Improvement of Police Officer Training for Efficient Application of Special Means

Kirichenko Yu.N., Voynov P.N., Ustinov A.A., Medvedev A.V.**

Purpose. In difficult conditions of existence of modern society, increased demands on professional activities of police officers related to the use of firearms, special means and physical force. In the present article aims at identifying the views of the staff of patrol police on the application of special means "special stick" in conditions associated with the arrest or detention. It is planned to identify the key elements of the work with a stick special, promoting effective actions during the arrest actively resisting the offender, and make recommendations for improvement of tactical and technical actions in this direction. **Methods:** general scientific dialectical methods of cognition of socio-legal phenomena and processes, analysis and evaluation, questioning, and specific scientific methods of cognition, the logical, structural-systemic, comparative legal, specific sociological, statistical. **Results.** The conducted survey shows that for the successful detention of the offender using special sticks, the police must adhere to the following requirements:

- pay attention to the improvement of such physical qualities as strength and speed;

* **КИРИЧЕНКО ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА**, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент, julija.kirichenko@rambler.ru
ВОЙНОВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, кандидат социологических наук, voynovp283@gmail.com

УСТИНОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, kazak7611@mail.ru

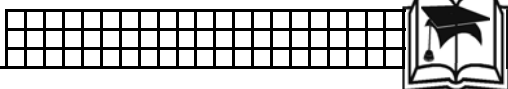
МЕДВЕДЕВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, доцент кафедры огневой подготовки Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, кандидат психологических наук, belui-op@mail.ru

** **KIRICHENKO YULIA N.**, Lecturer of the Department of Tactical and Special Training of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor.

VOYNOV PAVEL N., Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Sociological Sciences.

USTINOV ALEKSANDR A., Lecturer of the Department of Tactical and Special Training of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

MEDVEDEV ALEKSANDR A., Assistant Professor of Department of Weapons Practice of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Psychological Sciences.

the arrest of the offender is to be built using a minimal amount of time (5 seconds);
 – relying on its tactical and technical preparedness, the police must have in stock a wide range of skills to operate the stick special in terms of resistance of the offender;
 – attacking and counterattacking actions should be a priority;
 – carrying out training, special attention should be paid to improving the impact and suffocating action. **Scientific and practical significance.** This study allows to determine the main directions of improving the training of police officers for the effective use of special funds, standing in service in bodies of internal Affairs. The findings of the study can be claimed by the police in preparation for implementation of operational tasks in the conditions associated with the arrest or detention.

Key words: special tools, special stick, detention, physical qualities, offensive actions, offender, length of service.

В непростых условиях существования современного общества повышенные требования предъявляются к профессиональной деятельности сотрудников ОВД, связанной с применением огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы. Говоря о качестве подготовки при осуществлении таких действий, необходимо отметить важность анализа профессиональной деятельности сотрудников полиции в условиях экстремальных ситуаций. Этот анализ предоставляет возможность определения различий в характере практической подготовки сотрудников полиции. В этой связи существует необходимость выявления ключевых направлений совершенствования тактико-технических действий по задержанию различных по степени опасности преступников.

В соответствии со статистическими данными, при охране общественного порядка сотрудники полиции в качестве силовых действий нередко используют стоящую на вооружении палку специальную. Степень владения навыками ее использования определяет превосходство сотрудников полиции в противостоянии с правонарушителями. Авторским коллективом было решено выявить уровень владения данным специальным средством в различных ситуациях и на этой основе выработать предложения по совершенствованию данной деятельности.

Для исследования нами были выбраны подразделения патрульно-постовой службы полиции УМВД России по Белгородской области. В течение 2015 года авторским коллективом проводился опрос с помощью анкетирования соответствующих сотрудников, которые имеют различный стаж работы в ОВД и опыт силовых действий.

В целях выявления опыта осуществления силовых действий был поставлен вопрос об участии сотрудников полиции в задержании правонарушителей с применением палки специальной во время выполнения служебной деятельности (таблица 1). В числе ответов на данный вопрос максимальное количество опрошенных сотрудников (69,0 %) указало на частоту применения данных действий. Необходимо отметить, что в большей степени такое мнение преобладает у сотрудников, имеющих стаж работы в патрульно-постовой службе более 5 лет. Остальные опрошиваемые ответили, что они редко сталкиваются с необходимостью применения данного специального средства. Не нашлось ни одного сотрудника, который бы вообще не сталкивается с применением специальной палки

во время задержания правонарушителя в служебной деятельности.

Таблица 1

Ответы сотрудников ППС на вопрос «Сталкиваетесь ли вы во время выполнения служебной деятельности с применением палки специальной во время задержания правонарушителя?» (в % к числу опрошенных)

№ пп	Вариант ответа	Сотрудники ППС			Всего от общего числа сотрудников
		стаж работы до 2 лет	стаж работы от 2 до 5 лет	стаж работы свыше 5 лет	
1	Нет	0,0	0,0	0,0	0,0
2	Редко	37,9	28,5	26,7	31,0
3	Часто	62,1	71,5	73,3	69,0

Еще один вопрос был направлен на выявление мнения о физических качествах, которые в большей мере способствуют эффективному применению палки специальной при задержании правонарушителя. Ответы, выявляющие соответствующие физические качества, показаны в таблице 2.

Таблица 2

Ответы сотрудников ППС на вопрос «Как вы считаете, какие физические качества в большей мере способствуют эффективному применению палки специальной при задержании правонарушителя?» (в % к числу опрошенных)

№ пп	Вариант ответа	Сотрудники ППС			Всего от общего числа сотрудников
		стаж работы до 2 лет	стаж работы от 2 до 5 лет	стаж работы свыше 5 лет	
1	Сила	67,5	56,6	63,3	62,5
2	Быстрота	20,2	40,1	23,8	28,0
3	Ловкость	10,1	2,5	9,9	7,5
4	Выносливость	1,3	0,5	1,9	1,2
5	Гибкость	0,9	0,3	1,1	0,8

Подавляющее количество сотрудников (62,5 %) наиболее значимым для себя определяет такое физическое

качество, как сила. Меньшее количество сотрудников считает быстроту определяющим физическим качеством при применении специального средства. На третьем месте, по порядку убывания значимости физических качеств, определяется ловкость. Тем не менее незначительная часть сотрудников (2,0 %) считает выносливость и гибкость наиболее значимыми физическими качествами для указанных действий. Следует обратить внимание на то, что эта часть опрошенного контингента редко сталкивается с применением специальных средств во время задержания правонарушителя. Принимая во внимание стаж работы в патрульно-постовой службе, необходимо отметить то, что мнения по данному вопросу существенно не отличались.

Важнейшим условием, отвечающим за безопасность сотрудников и окружающих людей, является наличие оптимального времени, отведенного на непосредственное применение палки специальной. Данные опроса говорят о том, что большая часть опрошенных сотрудников (95,3 %) считает, что этот временной отрезок не должен превышать 5 секунд. Незначительная часть считает, что данные действия должны выполняться по времени, не превышающем 10 секунд (4,0 %). Два человека (0,7 %) из анкетированных высказали предположение о том, что оптимальный временной отрезок для проведения технических действий должен превышать 10 секунд. Необходимо обратить внимание на то, что сотрудники полиции, составляющие наименьший процент из опрошенных по данному вопросу, имеют стаж работы в патрульно-постовой службе менее двух лет и редко сталкиваются с задержанием правонарушителя.

Поэтому сотрудники полиции должны быть готовы и к негативному развитию событий, отрабатывая эти моменты на практических занятиях¹.

На какие внутренние ресурсы должен рассчитывать сотрудник полиции при необходимости задержания активно сопротивляющегося правонарушителя? Мнения по этому поводу представляют определенный интерес для совершенствования подготовки к действиям с использованием палки специальной. Наибольшее количество сотрудников (87,7 %) надеется в экстремальных ситуациях на свою техническую подготовленность. Преобладает такое мнение у сотрудников полиции, имеющих стаж работы в ОВД более 5 лет и опыт проведения силовых действий. 9,1 % сотрудников надеется на использование тактического превосходства и 3,2 % — на слабую физическую подготовленность правонарушителя. Важно отметить то, что на слабую физическую подготовленность правонарушителя при применении специального средства рассчитывают сотрудники полиции со стажем работы менее двух лет и имеющие незначительный опыт задержаний правонарушителей.

В рамках проведенного исследования был выявлен характер тактико-технических действий с палкой специальной, выполняемых против активно сопротивляющихся правонарушителей. В этой связи атакующие действия считаются наиболее предпочтительными для 88,4 % опрошенных сотрудников. Некоторая часть опрашиваемых (10,1 %) готова использовать контратакующие действия, и 1,5 % желают пользоваться защитными действиями. Подавляющее большинство в качестве приоритета выбрало атакующие и контратакующие действия в связи с тем, что невозможно осуществить задержание правонарушителя, используя только защиту.

Для нормального функционирования любой системы (подсистемы) каждая ее часть должна обеспечивать существование системы (подсистемы) в целом. Противоречия внутренние или внешние играют развивающую роль и способствуют развитию системы. Но в то же время борьба противоречий приводит к образованию нечто нового, а это способствует перерождению системы².

В завершение своего исследования мы решили выяснить, какие атакующие действия и приемы с использованием палки специальной обладают наибольшей эффективностью при задержании преступника. Эти действия было предложено оценить, делая упор на степень их значимости (таблица 3).

Таблица 3

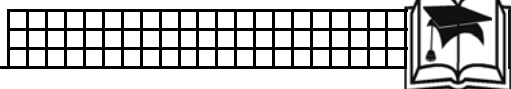
Ответы сотрудников ППС на вопрос «Какие атакующие действия, на ваш взгляд, и приемы с использованием палки специальной обладают наибольшей эффективностью?» (в % к числу опрошенных)

№ пп	Вариант ответа	Сотрудники ППС			Всего от общего числа сотрудников
		стаж работы до 2 лет	стаж работы от 2 до 5 лет	стаж работы свыше 5 лет	
1	Ударные действия	62,8	52,8	47,0	54,2
2	Сковывающие действия	0,7	1,1	1,3	1,0
3	Удушающие действия	35,7	45,3	50,2	43,8
4	Загиб руки за спину с использованием ПС	0,8	0,8	1,5	1,0

Ответы на этот вопрос говорят о том, что наиболее эффективными действиями при задержании правонарушителя с использованием палки специальной сотрудники полиции считают ударные и удушающие действия. Данное мнение разделяет наибольшее количество опрошенных (98,0 %). Сковывающие действия и загиб руки за спину

¹ Мигущенко О.Н. Основной вопрос юридического образования в современной России // Юридическое образование и наука. 2016. № 4. С. 16–20.

² Мигущенко О.Н. Правосознание: сущность явления. Явление сущности // Право и образование. 2002. № 3. С. 95–102.

с использованием палки специальной считают наиболее эффективными лишь несколько сотрудников (2 %).

Проведенное анкетирование свидетельствует о том, что для успешного задержания правонарушителя с использованием палки специальной сотрудники полиции должны придерживаться следующих требований:

- уделять внимание совершенствованию таких физических качеств, как сила и быстрота;
- задержание правонарушителя необходимо проводить, используя минимальный отрезок времени (до 5 секунд);
- рассчитывая на свою тактико-техническую подготовку, сотрудники полиции должны иметь в запа-

се широкий диапазон умений и навыков работы с палкой специальной в условиях активного сопротивления преступника;

- атакующие и контратакующие действия должны быть приоритетными;
- осуществляя подготовку, особое внимание необходимо обращать на совершенствование ударных и удушающих действий.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что приведенные данные дают довольно полную картину направлений совершенствования сотрудниками полиции действий с палкой специальной. Это поможет повысить эффективность выполнения стоящих перед сотрудниками патрульно-постовой службой полиции задач.

Литература

1. Мигущенко О.Н. Правосознание: сущность явления. Явление сущности / О.Н. Мигущенко // Право и образование. 2002. № 3. С. 95–102.
2. Мигущенко О.Н. Основной вопрос юридического образования в современной России / О.Н. Мигущенко // Юридическое образование и наука. 2016. № 4. С. 16–20.
3. Тарасенко А.А. Использование боевых приемов борьбы для воспитания психологической устойчивости / А.А. Тарасенко, Д.Е. Егоров // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–4. С. 70–73.

DOI : 10.18572/1813-1190-2017-6-10-13

Подход к внедрению инновационного мультипликатора в Российской Федерации

Смирнов В.В.*

Цель. На сегодня в России нет единого понимания о том, что такое инновация, но это не мешает всем примерно одинаково понимать и использовать понятия «инновационный цикл» и «инновационная инфраструктура». Первой фазой инновационного цикла являются фундаментальные исследования, управление которыми возлагается на Российскую академию наук (РАН). В стране сложилась ситуация, когда РАН не может эффективно выполнять свои основные функции. Изменив интерпретацию деятельности РАН, задав новый вектор развития РАН становится возможным включение инновационного мультипликатора в экономику страны. **Методология:** диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, индукция, восхождение от абстрактного к конкретному. **Выводы.** Фактически в Российской Федерации нет ни одного ведомства, которое несет ответственность за успешность внедрения и развития научно-технической и инновационной деятельности. Этот факт сводит на нет всю деятельность правительства в области инновационного развития, а это напрямую влияет на национальную безопасность страны. Управление наукой отошло к набору отраслевых научных центров. Общей координации научной работы в стране ни одно ведомство не осуществляет. Реализация деятельности по управлению государством осуществляется через реализацию программы, планов и мероприятий, которые в конечном счете реализуются проектами. На сегодня эффективность реализации проектов оценивается только по финансовым показателям. Международная практика реализации проектов говорит о практическом опыте оценки эффективности проектов по трем составляющим: финансовым (10 %), инженерным (40 %) и инновационным (50 %). В случае внедрения международной практики оценки проектов в России у РАН появляется функция по организации многосторонней экспертизы проектов народного хозяйства. Появляется практическая связь между фундаментальными, прикладными исследованиями, опытным и массовым производством в плане инновационного и рационального использования научных разработок. Появляется возможность поэтапной капитализации научных знаний. Все это является основой формирования в России инновационного мультипликатора экономики. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование показывает реальное место РАН в управлении инновационным развитием России. Описан реальный механизм внедрения инновационного пути развития России. Показан механизм восстановления связей между разорванными фазами инновационного цикла в России. Разработан подход к внедрению инновационного мультипликатора в экономике России.

Ключевые слова: инновационный мультипликатор, инновационный цикл, фаза инновационного цикла, стратегическое управление, тендерная процедура, национальная безопасность.

Approach to Innovative Multiplier Implementation in the Russian Federation

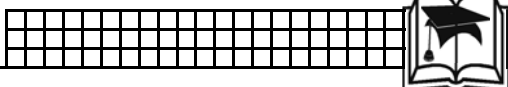
Smirnov V.V.**

Purpose. Today in Russia there is no common understanding of what innovation is, but this does not prevent everyone from approximately the same understanding and use of the concepts of the innovation cycle and innovation infrastructure. The first phase of the innovation cycle is fundamental research, the management of which is entrusted to the Russian Academy of Sciences (RAS). In the country there is a situation when the RAS can not effectively perform its basic functions. By changing the interpretation of the RAS activity, having set a new vector for the development of the RAS, it becomes possible to include an innovative multiplier in the economy of the country. **Methods:** dialectics, abstraction, analysis, synthesis, induction, ascent from the abstract to the concrete. **Results.** In fact, in the Russian Federation there is not a single agency that is responsible for the success of the introduction and development of scientific, technical and innovative activities. This fact negates all the activities of the Government in the field of innovative development, and this directly affects the national security of the country. The management of science has departed from a set of branch scientific centers. The general coordination of scientific work in the country is not implemented by any department. The implementation of the state management activities is carried out through the implementation of programs, plans and activities, which are ultimately implemented by the projects. To date, the effectiveness of projects is estimated only by financial indicators. The international practice of project implementation testifies to the practical experience of evaluating the effectiveness of projects in three components: financial (10 %), engineering (40 %) and innovative (50 %). In the case of the introduction of international practice of project evaluation in Russia, the RAS has a function to organize a multilateral examination of national economic projects. There is a practical connection between fundamental, applied research, experimental and mass production in terms of innovative and rational use of scientific developments. There is a possibility of a phased capitalization of scientific knowledge. All this is the basis for the formation in Russia of an innovative multiplier of the economy. **Scientific and practical significance.** The conducted research shows the real place of the RAS in the management of the innovative development of Russia. A real mechanism of introducing the innovative way of development of Russia is described. The mechanism of restoring links between the broken phases of the innovation cycle in Russia is shown. An approach to the introduction of an innovative multiplier in the Russian economy has been developed.

Key words: innovative multiplier, innovation cycle, innovation cycle phase, strategic management, tender procedure.

* **СМИРНОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ**, младший научный сотрудник центра проблем экономической безопасности и стратегического планирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Vladimir.Smirnov.fsg@gmail.com

** **SMIRNOV VLADIMIR V.**, Junior Research Scientist of the Center for Economic Security Issues and Strategic Planning of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Начнем с краткого анализа современного состояния научно-технического развития и инновационной сферы в Российской Федерации.

Дело в том, что на сегодня в стране нет единого понятия о том, что такое инновация. Это не так страшно, этого понимания нет нигде в мире. Каждая группа ученых, сталкиваясь с прикладными или научными задачами, дает свои определения инновации. Но когда речь заходит об инновационном цикле, то большинство ученых согласны с наличием явно выраженных пяти фаз: фундаментальная наука; прикладные исследования; разработки; опытное производство; массовое производство. Когда мы говорим про инновации, мы должны рассматривать инновационный цикл во всех фазах его проявления. Мы четко понимаем, что каждая фаза инновационного цикла работает по своим законам и правилам, и вот то, что объединяет их между собой, называется инновационной инфраструктурой.

Рассмотрим, в каком состоянии находится инновационная инфраструктура Российской Федерации.

Основной целью деятельности Российской академии наук является проведение и развитие фундаментальных исследований, направленных на получение новых знаний о законах развития природы, общества, человека и способствующих технологическому, экономическому, социальному и духовному развитию России¹.

В интервале с 2010 по 2016 гг. были приняты решения об объединении трех академий наук в одну академию и передаче всех институтов, которые входили в состав этих академий, в ведение Федерального агентства научных организаций.

Федеральное агентство научных организаций (далее — ФАНО России) осуществляет функции по нормативно-правовому регулированию и оказанию государственных услуг в сфере организации деятельности, осуществляемой подведомственными организациями, в том числе в области науки, образования, здравоохранения и агропромышленного комплекса, а также по управлению федеральным имуществом организаций, подведомственных Агентству².

Таким образом, между профильными министерствами и наукой была введена «прослойка» в виде ФАНО России, фактической задачей которой является выполнение административных функций. Это привело к тому, что профильные министерства фактически отвечают только за достижение данных им показателей без прямой связи с наукой. В функции ФАНО России не входит решение научных задач.

Минобрнауки России осуществляет функции по выработке государственной политики, научной, научно-технической и инновационной деятельности, нанотехнологий,

интеллектуальной собственности³. В функции Минобрнауки России не входит решение научных задач.

Фактически в Российской Федерации нет ни одного ведомства, которое несет ответственность за успешность внедрения и развития научно-технической и инновационной деятельности. Этот факт сводит на нет всю деятельность правительства в области инновационного развития, а это напрямую влияет на национальную безопасность страны. Ситуация усугубляется текущим состоянием системы статистического учета в нашей стране, которая не позволяет получать оперативные и адекватно сопоставимые друг с другом данные для анализа уровня социально-экономического развития отдельных территорий и отраслей⁴. Глобализация, гиперконкуренция, растущие сложность и неопределенность, информационный потоп и гиперсвязность мира, непрерывно растущие и трансформирующие среду риски⁵ требуют усложнения системы управления наукой.

Такое положение дел привело к формированию системы отраслевых научных центров, в функции которых входит управление наукой. К таким научным центрам относятся НИЦ Курчатовский институт, НИЦ Институт Жуковского, два наших ведущих университета — московский и санкт-петербургский — и Российский научный фонд. Это только те структуры, на которые действует отдельный закон для каждого, и у каждого из них записано управление наукой. Общую координацию научной работы в стране ни одно ведомство не осуществляет.

В 2016 г. в Стратегии национальной безопасности⁶ впервые были определены государственные интересы, национальные интересы Российской Федерации и национальные приоритеты. Одним из приоритетов были обозначены наука, технологии и образование, так как фундаментальная наука является системообразующим институтом общества. На основе заявленной в документе ведущей роли фундаментальной науки вроде бы появляется ведущая роль Академии наук, но по факту это не так.

Во-первых, Академия наук не обладает достаточной прикладной специализацией, ведь отраслевые научные институты из ее прямого подчинения выведены. Это значит, что нарушена связь между первыми двумя фазами инновационного цикла — фундаментальными и прикладными исследованиями. Соответственно, прикладные ин-

³ URL: <http://минобрнауки.рф/министерство>

⁴ Агеенко А.В., Рогальский Г.Л., Бауэр В.П. Исследование эффективности государственных вложений в развитие человеческого капитала // Аспирант. 2014. № 3. С. 54–63.

⁵ Ворожихин В.В. К глобальной конкурентоспособности России сквозь барьер сложности // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник / отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2016. Вып. 11. Ч. 2. С. 82–86.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

¹ Устав РАН [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ras.ru/about.aspx>

² URL: <http://fano.gov.ru/ru/about/fano/index.php>

ституты не получают должного уровня результатов фундаментальных исследований.

Во-вторых, разрушены прямые связи между прикладными исследованиями и отраслевыми разработками. Раньше эту функцию выполняли министерства, теперь они изолированы ФАНО России и Минобрнауки. Увеличен бюрократический аппарат. Эффективность связи взаимодействий институтов снижена. Связи между фазами инновационного цикла, прикладные исследования и разработки нарушены.

Фактически вся страна живет за счет энтузиазма и патриотизма крупных отраслевых предприятий, которые за свой счет вынуждены самостоятельно выполнять научные разработки и реализовывать третью, четвертую и пятую фазы инновационного цикла. Сюда же можно отнести предприятия оборонного комплекса.

Ресурсы, которые могли бы пойти на развитие инновационной деятельности в стране, тратятся на административный аппарат.

По мнению автора, ответственность за сложившуюся ситуацию несет на себе Российская академия наук. Своим формализмом и бездеятельностью Российская академия наук спровоцировала Правительство Российской Федерации на структурные перестройки.

Для исправления ситуации необходимо продолжить реформировать как Российскую академию наук, так и систему управления в России в целом. Необходимо реализовать координацию научных исследований и обеспечение конечных, практических результатов проведенных исследований. Необходимо научиться управлять неопределенностью⁷ на всех фазах инновационного цикла.

По-крупному в России сейчас исполняются две управленческие инициативы – Стратегия национальной безопасности и бюджетная политика в одной из своих управленческих ипостасей ФЗ-172 «Закон о стратегическом планировании».

Результатом применения стратегического планирования являются:

- планы мероприятий по реализации стратегий социально-экономического развития федеральных округов (макрорегионов);
- программы экономического и социального развития субъектов Российской Федерации на среднесрочный период;
- комплексные программы социально-экономического развития муниципальных образований.

Все упомянутые выше программы, планы и мероприятия в конечном счете реализуются проектами. В России все ведомства, связанные с реализацией проектов, организуют свою деятельность в соответствии со сводом знаний по управлению проектами (англ. Project Management

Body of Knowledge, PMBoK), представляют собой сумму профессиональных знаний по управлению проектами. PMI использует этот документ в качестве основного справочного материала для своих программ по профессиональному развитию. PMBoK является Американским национальным стандартом. В руководстве к своду законов по управлению проектами можно выделить 5 групп процессов, привязанных к фазам реализации проекта:

- фаза 1: отбор и инициализация;
- фаза 2: планирование и контрактация;
- фаза 3: исполнение проекта;
- фаза 4: мониторинг исполнения проекта;
- фаза 5: использование инфраструктурных объектов.

На фазе «планирование и контрактация» госструктуры обязаны проводить тендер. Эффективность закупки оценивается только по цене предложения и никак не учитывает множество других факторов, что приводит к «перекосам» в экономике страны. Эта проблема известна и описана в научной литературе.

Есть международный опыт реализации государственных закупок, например, существенный рост эффективности реализации инфраструктурных проектов в Канаде стал следствием изменения тендерных процедур в Министерстве транспорта и инфраструктуры в Онтарио. В рамках разделенного на техническую и финансовую часть отбора только 10 % отдавалось цене предложения, инженерные и инновационные решения составляли соответственно 40 и 50 %. Оценка предложений производилась на основе многосторонней экспертизы и с учетом практического опыта реализации предыдущих проектов заявленных команд.

Важно выстроить тендерную процедуру, максимально вовлекающую инновационные решения, при этом гарантирующую качественное и своевременное исполнение. Эффективными инструментами для этих целей являются:

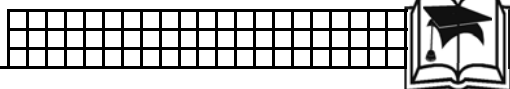
- отдельное рассмотрение альтернативного проектно-инженерного концепта;
- запуск многоэтапного отбора с возможностью корректировки инженерных решений.

Существенный вклад в обеспечение повышения эффективности проекта в целом вносят прозрачность тендерных процедур и привлечение к оценке независимых экспертов. Такая практика широко применяется в мире и доказала свою эффективность. Это простое решение в совокупности с публичным обсуждением предложений конкурсантов является необходимым условием эффективного выбора подрядчиков.

Группу процессов мониторинга и управления исполнением проекта можно выделить в отдельную предметную область, в которой государству как заказчику на этапе реализации проекта можно существенно повысить качество своего участия, обеспечив общее повышение эффективности.

Наиболее перспективными здесь являются следующие направления.

⁷ Смирнов В.В. Понятие неопределенности в организационно-экономической системе// Безопасность бизнеса. 2016. № 3. С. 9–12.

Анализ статуса проекта⁸. В современной практике наиболее эффективным методом анализа статуса проекта является EVM — Earned Value Method. Его основой является регулярный анализ созданной стоимости актива в соотношении с плановыми сроками и бюджетом проекта, позволяющий заранее выявлять и прогнозировать проблемы с исполнением проекта. Для эффективного контроля система мониторинга должна оперативно отслеживать изменения текущего статуса проекта.

Создание механизмов прямого стимулирования применения лучших промышленных технологий и управленческих практик в ходе проекта. Например, введение директивой Евросоюза требований разработки и внедрения всеми подрядчиками BIM (building information model) — строительной информационной модели — позволило существенно повысить эффективность взаимодействия государственного заказчика и подрядчиков.

Еще более эффективный метод — введение обязательного отчета подрядчика об использовании снижающих затраты технологий по отношению к лучшим отраслевым показателям. В России аналогом может быть систематическое сравнение с паспортами наилучших доступных технологий по мере их принятия.

Итак, в России может быть внедрена инновационная инфраструктура, которая «проявляет» все инновационные фазы через контроль реализации проектов.

⁸ Аналитический доклад «Стратегическое управление развитием российской экономики в условиях мировой турбулентности» // Фонд содействия развитию сотрудничества между народами «Общественный форум “Диалог цивилизаций”» // <http://www.grso.ru/articles/o-doklade-strategicheskoe.html>

Организационно-административную функцию могут выполнять ФАНО России и Минобрнауки России, как прописано в их уставах, собственно, для чего они и были созданы. Функции экспертизы должно выполнять экспертное сообщество, организатором которого должна выступать Российская академия наук. РАН должна быть включена в процесс выдачи лицензий на экспертную деятельность и отвечать за качество проводимых экспертиз в Российской Федерации, для чего должны быть привлечены страховые компании. На базе РАН должны быть созданы базы данных с соответствующими инфраструктурами сбора и анализа информации по паспортам наилучших доступных технологий и др.

В результате внедрения описанных выше изменений становится возможным внедрение в Российской Федерации инновационного мультипликатора. Для этого РАН должна сформировать экспертное сообщество, реально задействованное в управлении проектами народно-хозяйственного комплекса страны. Фундаментальные исследования должны капитализироваться хотя бы по балансовой стоимости. Капитализация должна расти по мере применения фундаментальных исследований в прикладных разработках. Капитализация исследований должна быть включена в ВВП страны. Эффект от такой схемы не только в получении прямой прибыли в увеличении ВВП, а, как следствие, в улучшении рейтинга страны, что влечет за собой удешевление международных кредитов. Эффект от такой схемы многократно превысит затраты на поддержку инновационного цикла.

Литература

1. Агеенко А.В. Исследование эффективности государственных вложений в развитие человеческого капитала / А.В. Агеенко, Г.Л. Рогальский, В.П. Бауэр // Аспирант. 2014. № 3. С. 54–63.
2. Ворожихин В.В. К глобальной конкурентоспособности России сквозь барьер сложности // В.В. Ворожихин // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник ; отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2016. Вып. 11. Ч. 2. С. 82–86.
3. Смирнов В.В. Понятие неопределенности в организационно-экономической системе / В.В. Смирнов // Безопасность бизнеса. 2016. № 3. С. 9–12.

DOI : 10.18572/1813-1190-2017-6-14-19

Полномочия следственного судьи в сфере доказывания при производстве досудебного расследования в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан

Адилов С.А.*

Цель. Анализ полномочий следственного судьи по осуществлению судебного контроля за досудебным производством, их групповая принадлежность и определение пределов возможного вторжения в сферу доказывания по уголовным делам посредством проведения судебных действий и действий по оказанию помощи стороне защиты в собирании доказательственной информации, направленной на реализацию возложенных на нее функций. Сравнение действующих в казахстанском уголовном процессе процедур получения судебных доказательств при осуществлении следственным судьей возложенных на него полномочий с аналогичными процедурами государств — участников СНГ и определение возможной рецепции некоторых правовых предписаний из законодательства этих стран в отечественное уголовное судопроизводство. **Методология:** диалектика, анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, метод системного исследования. **Выводы.** 1) Расширение компетенции следственного судьи по санкционированию следственных действий, ограничивающих конституционные права и интересы граждан, возможность депонирования показаний свидетеля, потерпевшего, а также его полномочия по оказанию помощи стороне защиты в собирании доказательственной информации свидетельствуют о рождении в Казахстане нового института — судебного закрепления доказательств в ходе досудебного расследования; 2) вероятность вторжения следственного судьи в сферу доказывания должна исключать возможность его вовлечения в дальнейший процесс расследования, так как это может привести к подмене субъектов досудебного доказывания и трансформации судебного контроля в розыск (обвинение); 3) полномочия следственного судьи в сфере доказывания по уголовным делам должны быть ограничены законодательным императивом о том, что оценка и использование полученных следственным судьей (или при его участии) судебных доказательств — прерогатива только органов уголовного преследования, либо судьи общей юрисдикции при проведении главного судебного разбирательства по конкретному уголовному делу.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование может быть полезно ученым, студентам, аспирантам и адъюнктам, практическим работникам, а также всем тем, кто интересуется проблемами развития уголовно-процессуальной науки.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебная власть, правосудие, судебный контроль, следственный судья, полномочия следственного судьи, следственные действия, депонирование показаний, допрос несовершеннолетнего, меры безопасности, процедуры допроса.

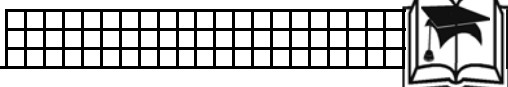
Powers of Investigative Judge in Proving Sphere at Pre-Trial Investigation in Criminal Proceedings of the Republic of Kazakhstan

Adilov S.A.**

Purpose. The analysis of powers of the investigative judge on implementation of judicial control of prejudicial production, their group accessory and determination of limits of possible invasion into the sphere of proof on criminal cases through judicial actions and actions on assistance to the defense in collecting the evidentiary information aimed at realization of the functions, assigned to it. Comparison of the procedures of obtaining judicial proofs operating in Kazakhstani criminal trial at implementation by the investigative judge of the powers assigned to him, with similar procedures in the state parties of the CIS and determination of possible reception of some legal instructions from the legislation of these countries into domestic criminal legal proceedings. **Methods:** dialectics, analysis, synthesis, comparative and legal method, a method of system research. **Results.** 1) Expansion of competence of the investigative judge on authorization of the investigative actions limiting constitutional rights and interests of citizens, a possibility of deposition of testimonies of the witness, victim, and also his powers of actions on assistance to the defense in collecting the evidentiary information confirm the establishment of new institute in Kazakhstan — judicial fixing of proofs during prejudicial investigation; 2) the probability of invasion of the investigative judge into the sphere of proof has to exclude a possibility of his involvement in further process of investigation since it can lead to substitution of subjects of prejudicial proof and transformation of judicial control into inquiry (prosecution); 3) powers of the investigative judge in the sphere of proof in criminal cases have to be limited to a legislative imperative that an assessment and exercises of judicial proofs received by the investigative judge (or with his participation) is a prerogative only for criminal prosecution authorities, or judges of the general jurisdiction when conducting the main judicial proceedings on concrete criminal case.

* АДИЛОВ САНЖАР АСКЕНОВИЧ, заместитель начальника Департамента внутренних дел г. Астаны Министерства внутренних дел Республики Казахстан, полковник полиции, avtor@lawinfo.ru

** ADILOV SANZHAR A., Deputy Head of the Department of Internal Affairs for the City of Astana of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Police Colonel.

Scientific and practical significance. The research can be useful for scientists, students, graduate students and adjuncts in a military academy, practical workers, and all those who are interested in problems of development of criminal procedure science.

Key words: criminal legal proceedings, judicial authority, justice, judicial control, the investigative judge, powers of the investigative judge, investigative actions, deposition of testimonies, interrogation of the minor, security measure, procedure of interrogation.

С 2015 года в судопроизводстве Республики Казахстан действует новый субъект уголовного процесса — следственный судья, под которым понимается судья суда первой инстанции, к полномочиям которого относится осуществление судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в досудебных стадиях уголовного процесса (ч. 3 ст. 54 УПК РК). Опыт реализации указанной законодательной новеллы в правоприменительной практике сразу же поставил перед казахстанскими учеными проблему уяснения содержания и порядка применения нового института судопроизводства и его согласованности с уже имеющимися уголовно-процессуальными нормами, регулирующими порядок досудебного расследования. Особенно это важно в связи с разрешением вопроса о месте судебного контроля в системе правосудия и о пределах возможного вмешательства следственного судьи в досудебное доказывание по уголовным делам. Проблема упиралась в разрешение дилеммы: если основная цель правосудия в разрешении спора о виновности или невиновности путем вынесения правосудного приговора, то можно ли отнести к функции правосудия полномочия следственного судьи, связанные с закреплением или получением доказательств в ходе производства предварительного следствия или дознания.

С другой стороны, традиционное, классическое понимание правосудия как лишь той части деятельности суда, которая направлена на рассмотрение и разрешение дела по существу (т. е. решение вопросов виновности и наказания), с принятием УПК РК 2014 года вряд ли отражает действительное, реальное содержание роли и значения судебной власти в уголовном судопроизводстве Казахстана. Обусловлено это тем, что правосудие как форма реализации судебной власти стало охватывать не только разрешение уголовного дела по существу, но и новые правоотношения, возникшие в досудебном производстве с появлением специального субъекта в лице следственного судьи. Судебному контролю стали присущи большинство качественных признаков, характеризующих правосудие, в том числе и развитость процессуальных форм осуществления контрольно-проверочных полномочий, сопряженных как с получением и закреплением следственных доказательств, так и с их трансформацией в судебные доказательства. Тем самым судебный контроль со стороны следственного судьи может рассматриваться как самостоятельное средство реализации конституционных функций судебной власти, которая наряду с осуществлением правосудия направлена на обеспечение недопущения возможного ограничения прав личности в досудебном расследовании, а

также на восстановление нарушенных прав в рамках предусмотренных законом полномочий.

Правовой анализ закрепленных в УПК РК полномочий следственного судьи, осуществляющего судебный контроль за досудебным расследованием, позволил выделить несколько самостоятельных групп рассматриваемых правоотношений: судебное санкционирование, судебное доказывание и судебная проверка.

Судебное санкционирование или предупредительный судебный контроль включает в себя деятельность суда по даче разрешения на производство отдельных следственных действий и применение определенных мер уголовно-процессуального принуждения.

Судебное доказывание заключается в полномочиях, связанных с санкционированием следственных действий, ограничивающих конституционные права и интересы граждан организацией, проведением депонирования показаний свидетеля, потерпевшего и оказанием содействия адвокату-защитнику при разрешении его мотивированных ходатайств по собиранию доказательственной информации в рамках осуществления функции защиты.

Судебная проверка или последующий судебный контроль предполагает рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя и дознавателя, а также рассмотрение жалоб и протестов на постановления следственного судьи.

Среди указанных групп интерес представляет вторая группа — судебное доказывание, поскольку наделение следственного судьи специальными функциями в сугубо доказательственной сфере свидетельствует о рождении в Казахстане нового института — судебного закрепления доказательств в ходе досудебного расследования. В первую очередь это относится к депонированию показаний как к институту, ранее не известному казахстанскому правоприменителю. Депонирование показаний — прерогатива исключительно следственного судьи, проводимая в отношении потерпевшего и свидетеля по инициативе прокурора, подозреваемого или его адвоката, участвующего в деле в качестве защитника. Основанием для депонирования показаний выступают разумные предположения о том, что более поздний допрос невозможен в силу объективных причин (постоянное проживание за пределами РК, выезд за границу, тяжелое состояние здоровья, применение мер безопасности), а также его проведение в целях исключения последующих допросов несовершеннолетних свидетелей и потерпевших для исключения психотравмирующего воздействия (ч. 1 ст. 217 УПК РК). О действительности указанного института свидетельствует то, что депонирование показаний прочно входит в практику досудебного

расследования. Так, только в 2016 году судами г. Астаны рассмотрено 100 (99 %) материалов о депонировании показаний свидетелей и потерпевших, из которых по депонированию удовлетворено по 96 материалам (95 %), отказано всего по 4 материалам (4 %)¹.

В случае удовлетворения ходатайства допрос и ведение протокола допроса у следственного судьи производятся с соблюдением правил, предусмотренных для судебного следствия. Допрос производится непосредственно следственным судьей с участием сторон, которые вправе задавать вопросы допрашиваемому. Ведение протокола возложено на секретаря судебного заседания, который подписывает его вместе со следственным судьей. После подписания протокола присутствующие при депонировании показаний участники процесса вправе получить его копию и принести на него свои замечания в течение пяти суток. Замечания на протокол рассматриваются следственным судьей в день поступления с вынесением постановления об их принятии или отклонении. После этого протокол судебного заседания, замечания на него, если они были принесены, и постановление следственного судьи об их рассмотрении направляются прокурору для приобщения к материалам уголовного дела (ч. 4, 5 ст. 217 УПК РК).

Тем самым законодателем установлена процедура, при соблюдении которой доказательства, полученные следственным путем, могут трансформироваться в доказательства судебные еще во время проведения досудебного расследования. При этом активность суда в указанном случае носит вспомогательный характер и не предрешает вопрос о виновности подозреваемого (обвиняемого). Следственный судья, не связанный обязанностью в будущем разбираться в сущности предъявленного обвинения и, следовательно, не ограниченный в своих оценках, имеет возможность более свободно вникнуть в суть дела, с большей основательностью проверить обоснованность рассматриваемых материалов на предмет их допустимости и достоверности с участием сторон и возможностью перекрестного допроса. В итоге предоставление следственному судье полномочий по депонированию показаний обеспечивает сторонам (полно и своевременно) право на соби́рание и представление суду доказательств, рассмотрение которых в условиях состязательности и равноправия сторон гарантирует то, что они могут быть положены в основу правосудного приговора. Обусловлено это тем, что депонирование устраняет сам повод к дальнейшему оспариванию полученных судебных доказательств в главном судебном разбирательстве². В этом

вопросе законодатель исходит из практики Европейского суда по правам человека, констатирующего, что принцип справедливого судебного разбирательства требует придавать большее значение показаниям, данным в суде, по сравнению с протоколами допросов свидетелей на предварительном следствии, поскольку последние представляют собой, прежде всего, процесс сбора стороной обвинения информации в поддержку своей позиции³.

Таким образом, предусмотренная законом процедура депонирования показаний разрешает одновременно три задачи:

- обеспечивает право подозреваемого на допрос следственным судьей показывающих против него лиц (за исключением ситуаций, когда в отношении допрашиваемых применены меры по обеспечению их безопасности);
- создает условия возможности перекрестного допроса заинтересованными сторонами в суде в ходе досудебного расследования, что соответствует общепризнанному международному стандарту о праве защиты допросить свидетеля обвинения (при отсутствии указанной процедуры такое действие невозможно);
- позволяет формировать доказательства, которые в противном случае были бы утрачены или их получение в последующем было бы затруднено⁴.

В результате законодатель обеспечивает реализацию непосредственности и устности в деятельности следственного судьи, отдавая приоритет доказательствам, полученным судебным путем.

Полномочия, входящие в эту группу, направлены и на создание должных условий для реализации адвокатом функции защиты в ходе уголовного судопроизводства. Бесспорно, данные условия не способны полностью обеспечить в досудебных стадиях реализацию принципов всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела и осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, как это происходит в судебных стадиях. Однако при должной активности адвоката-защитника у последнего появилась возможность получения информации, доступ к которой ранее у него отсутствовал. Хотя и в нынешних условиях указанные в законе полномочия, например по поводу назначения экспертизы (п. 7 ч. 2 ст. 55 УПК РК), во многом зависят от деятельности органов досудебного расследования. Если, к примеру, требуется производство идентификационной экспертизы, то сбор качественных образцов — прерогатива органа, в чьем производстве находится уголовное дело. При таком подходе назначе-

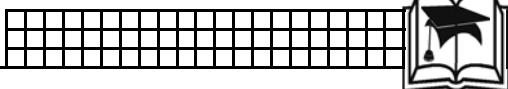
¹ Судебная коллегия по уголовным делам города Астаны. Анализ деятельности следственных судей за 11 месяцев 2016 года. Город Астана, 23 декабря 2016 года URL: <http://astana.sud.kz/rus/news/v-sude-goroda-astany-sostoyalos-rasshirennoe-soveshchanie-po-itogam-raboty-za-2016-god>

² См. подр.: Хан А.Л., Тяжина А.Ж. О некоторых проблемах депонирования показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан // Актуальные вопросы совре-

менной науки : материалы Международной научно-практической конференции : сб. науч. ст. Караганда, 2016. С. 192–195.

³ Никонов М.А. Условия справедливого судебного разбирательства как критерии оценки доказательственных материалов на предмет их допустимости: уголовно-процессуальный аспект // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1. С. 281–307.

⁴ Хан А.Л., Тяжина А.Ж. Указ. соч. С. 194.

ние повторных или дополнительных экспертиз (особенно, если ранее в их назначении отказывалось) — занятие достаточно длительное и малоэффективное. Но даже и такие процедуры позволяют нам говорить о новом направлении в полномочиях следственного судьи — судебном доказывании.

Между тем, говоря о пределах допустимости участия следственного судьи в процессе получения и закрепления доказательств органов предварительного следствия и дознания, было бы неправильным игнорировать опыт стран СНГ, пошедших по пути введения в уголовный процесс специального субъекта судебного контроля. Полагаем, что рецепция правовых норм этих государств возможна и в отечественное судопроизводство.

В частности, А.Н. Ахпанов считает, что казахстанскому законодателю может быть полезен опыт Эстонии, в уголовном судопроизводстве которой предусмотрены специальные условия депонирования показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей — ст. 69, 70 (2) УПК Эстонии. В первую очередь, это касается возраста допрашиваемого (10–14 лет) и возможности оказания вредного влияния на психику несовершеннолетнего. Во-вторых, это связано с нормальным психическим состоянием несовершеннолетнего (речевое или сенсорное нарушение, психический недостаток, психическое расстройство, заболевание нервной системы). Помимо этого, в Эстонии, по сравнению с Казахстаном предусмотрен более широкий перечень оснований депонирования показаний потерпевшего и свидетеля. К ним относятся: умышленное преступление, за которое в качестве наказания предусматривается тюремное заключение на срок не менее трех; опасение, что лицо могут принудить к даче ложных показаний — ст. 69 УПК Эстонии.

Представляет интерес и рецепция процедуры альтернативного места допроса тяжелобольного свидетеля, потерпевшего, который не может явиться по вызову в суд. Например, как это предусмотрено в ст. 225 УПК Украины, предусматривающей возможность осуществления допроса депонента следственным судьей в ходе выездного судебного заседания по месту излечения или пребывания данного лица⁵.

Со своей стороны мы полагаем, что для казахстанского законодателя применим и опыт Республики Молдова. Следует отметить, что в Республике Молдова основная задача судопроизводства — исключение любого произвола со стороны властей, не допускающего превращения невинного в жертву нарушения его основных прав (ч. 3 ст. 1 УПК Молдовы). Поэтому основным гарантом соблюдения прав личности в досудебном расследовании выступает судья по уголовному преследованию, наделенный своими функциями в уголовном судопро-

изводстве. Он является судебным органом, состоящим в рамках каждой судебной инстанции (ч. 3 ст. 29 УПК Молдовы). В то же время судья по уголовному преследованию является независимым по отношению к остальным правоохранительным органам и судебным инстанциям и исполняет свои обязанности только на основании и в рамках закона (ч. 5 ст. 26 УПК Молдовы).

Компетенция судьи по уголовному преследованию определяется двумя группами возникающих правоотношений:

— судебным контролем за досудебными процессуальными действиями, ограничивающими конституционные права и свободы личности (глава VIII УПК Молдовы);

— действиями, направленными на обеспечение уголовного преследования в досудебном расследовании, заключающимися в выдаче судебного ордера на производство следственных действий, участии при их производстве или в самостоятельном их производстве, а также связанными с сокращением предусмотренных законом процедур расследования (ст. 41 УПК Молдовы), окончательной юридической оценкой деяния или исправления явных материальных ошибок в содержании процессуального акта (ст. 249 УПК Молдовы).

В частности, представляют интерес нормы УПК, регламентирующие самостоятельные процедуры, предусматривающие специальные способы допроса свидетеля и его защиты (ст. 110 УПК Молдовы), а также особые случаи допроса несовершеннолетнего свидетеля (ст. 110-1 УПК Молдовы).

В отличие от уголовного процесса Казахстана, где депонирование означает консервацию показаний и налагает запрет на последующее использование полученных сведений в доказывании до оглашения их в суде (в том числе и путем привлечения источника их получения к производству иных следственных действий), в Республике Молдова судья по уголовному преследованию допрашивает свидетеля не только с целью закрепления, но и получения новой информации. Гарантией достоверности и надежности полученных таким образом показаний выступает процедура дачи клятвы судье, влекущей вероятность наступления уголовной ответственности за отказ или изменение показаний. Однако это не препятствует использованию допрошенного судьей по уголовному преследованию в производстве других следственных действий с его участием (например, очной ставки, эксперименте, проверке и уточнении показаний на месте и т. д.).

Интерес представляет и детальная регламентация допроса несовершеннолетнего свидетеля, который проводится в условиях, максимально исключающих оказание негативного воздействия на психическое состояние допрашиваемого. В соответствии с положениями ст. 110-1 УПК Молдовы для допроса таких участников предусмотрены специально обустроенные помещения (допросная комната и наблюдательная комната), оснащенные сред-

⁵ См. подр.: Ахпанов А.Н. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан [Электронный ресурс] // URL: <http://www.zakon.kz/4750958-deponirovanie-pokazanii-poterpevshego.html>

ствами аудио- и видеозаписи. В первой происходит непосредственный допрос сотрудником уголовного преследования (допрашиватель). Во второй комнате, отделенной от допросной, вне визуального наблюдения участников допроса, находятся: судья по уголовному преследованию, прокурор, защитник подозреваемого или обвиняемого, психолог, судебный секретарь, законный представитель допрашиваемого несовершеннолетнего, законный представитель потерпевшего и при необходимости иные лица, предусмотренные законом. Все они имеют возможность непосредственно наблюдать за процедурой допроса и слышать даваемые показания. В случае необходимости присутствующие лица при посредничестве судьи по уголовному преследованию вправе задавать письменные вопросы допрашиваемому, которые подлежат обязательному внесению в протокол. В зависимости от ситуации судья по уголовному преследованию передает их либо посредством технических устройств, либо во время перерыва. О произведенном допросе доводится до сведения подозреваемого или обвиняемого с предоставлением им копии аудио- / видеозаписи проведенного следственного действия. Если у подозреваемого или обвиняемого возникнут вопросы к несовершеннолетнему свидетелю, то на основании обоснованного заявления организуется дополнительный допрос по правилам ст. 110-1 УПК Молдовы.

Преимущество рассмотренных процедур допроса несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего очевидно:

— во-первых, допрос производится не следственным судьей, а лицом, производящим расследование (следователем), и в этой связи следственному судье нет необходимости вникать во все тонкости производимого расследования;

— во-вторых, не нарушается контакт между следователем и допрашиваемым, неизбежность которого связана со сменой участников проводимого следственного действия;

— в-третьих, участники проводимого допроса дистанцированы от непосредственно допрашиваемого лица и тем самым не создают дополнительного психологического воздействия на несовершеннолетнего;

— в-четвертых, участники следственного действия имеют возможность непосредственно воспринимать ход допроса и вносить свои коррективы путем подачи следственному судье письменных вопросов;

— в-пятых, все поступившие вопросы вносятся в протокол и передаются следователю либо при помощи средств связи (вне слышимости допрашиваемым) либо во время перерыва;

— в-шестых, допрашивающий вправе интерпретировать заданные вопросы по своему усмотрению с сохранением сути заданного вопроса;

— и последнее, минимизируются возможные способы воздействия на несовершеннолетнего со стороны заинтересованных в его показаниях участников.

Помимо указанных преимуществ детально регламентированная процедура допроса несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего с участием следственного судьи по правилам судебного разбирательства позволит предотвратить отказ родителей или законных представителей в проведении депонирования (путем подачи заявления об отказе и последующего допроса на следствии и в суде в обычном порядке), поскольку, непосредственно присутствуя в качестве законных представителей при производстве допроса, они могут убедиться в его достоверности и допустимости, а также в отсутствии необходимости повторного вызова несовершеннолетнего в суд.

Пока же, к сожалению, имеют место факты изменения показаний несовершеннолетних потерпевших в ходе депонирования, влекущие возможность ухода от уголовной ответственности подозреваемых.

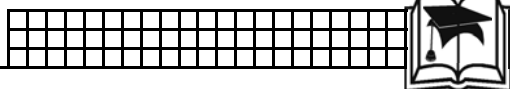
Например, по уголовному делу № 177113031002355 от 13.03.2017, начатому производством по ст. 124 ч. 1 УК РК, несовершеннолетняя Б.Е. Абдразак 2009 г. р. при первоначальном допросе дала показания против отца К. Бекболат 1980 г. р., который совершил в ее отношении развратные действия сексуального характера. При депонировании показаний в суде несовершеннолетняя Б.Е. Абдразак 2009 г. р. изменила свои показания.

В результате задержанный был освобожден и вернулся домой. В целях исключения факта повторного совершения преступления в отношении малолетней и оказания психологического давления следствием вынесено решение о помещении несовершеннолетней Б.Е. Абдразак с матерью в кризисный центр г. Астаны.

По заключению комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, несовершеннолетняя не склонна к фантазированию и изменение ее показаний в ходе депонирования связано с оказанием психологического давления со стороны ее матери⁶.

Рецепция процедуры допроса несовершеннолетнего снимет и еще одну проблему практических органов — предоставление объемного материала (уголовного дела) прокурору, а затем и следственному судье для предварительного изучения на предмет обоснованности ходатайства. Необходимость в этом отпадает, так как допрос производит следователь, в чьем производстве находится уголовное дело. Одновременно следует до минимума свести процедуру инициирования депонированного допроса. Инициатор обращается непосредственно к следственному судье с направлением копии ходатайства процессуальному прокурору. При наличии оснований следственный судья назначает время депонирования и извещает заинтересованных участников. После проведения депонированного допроса с участием следственного судьи все участники ознакомляются с протоколом, получают его копии и при необходимости

⁶ Судебная коллегия по уголовным делам города Астаны...

сти заявляют свои ходатайства и замечания. Прокурор вправе внести протест.

Полагаем, что казахстанскому законодателю также следует пойти по пути дифференциации различных видов допроса (допрос несовершеннолетнего, допрос с применением мер безопасности, обязательный допрос подозреваемого при применении меры пресечения в виде содержания под стражей, депонированный допрос, допрос лица, находящегося под защитой) в зависимости от оснований его проведения с учетом процессуального, социального или иного статуса подлежащего допросу следственным судьей (или с его участием) свидетеля, потерпевшего.

Но при этом должны быть четко ограничены пределы полномочий следственного судьи в сфере доказывания по уголовным делам в целях исключения его вовлечения в дальнейший процесс, влекущего подмену субъектов досудебного расследования и трансформации судебного контроля в розыск (обвинение). Таким ограничителем, на наш взгляд, должен послужить законодательный императив о том, что оценка и использование полученных следственным судьей (или при его участии) судебных доказательств — прерогатива только органов уголовного преследования в досудебных стадиях либо судьи общей юрисдикции при проведении главного судебного разбирательства по конкретному уголовному делу в судебных стадиях.

Литература

1. Судебная коллегия по уголовным делам города Астаны. Анализ деятельности следственных судей за 11 месяцев 2016 года. Город Астана, 23 декабря 2016 года. URL: <http://astana.sud.kz/rus/news/v-sude-goroda-astany-sostoyalos-rasshirennoe-soveshchanie-po-itogam-raboty-za-2016-god>
2. Хан А.Л. О некоторых проблемах депонирования показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан / А.Л. Хан, А.Ж. Тяжина // Актуальные вопросы современной науки : материалы Международной научно-практической конференции : сб. науч. ст. Караганда, 2016. С. 192–195.
3. Никонов М.А. Условия справедливого судебного разбирательства как критерии оценки доказательственных материалов на предмет их допустимости: уголовно-процессуальный аспект / М.А. Никонов // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1. С. 281–307.
4. Ахпанов А.Н. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан / А.Н. Ахпанов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.zakon.kz/4750958-deponirovanie-pokazaniij-poterpevshego.html>

DOI : 10.18572/1813-1190-2017-6-20-26

О понятии и сущности принципов уголовного судопроизводства

Россинский С.Б., Челохсаев О.З.*

Цель. Анализ сущностных признаков, позволяющих считать определенные положения уголовно-процессуального закона принципами уголовного судопроизводства; формирование авторской дефиниции принципов уголовного судопроизводства и определение их значения в контексте разумного баланса между существующими международными стандартами и национальными традициями и богатым опытом, накопленным в этой сфере за многие годы. **Методология:** диалектика, анализ, синтез, историко-правовой метод, метод системного исследования. **Выводы.** 1) Сущностными признаками принципов уголовного судопроизводства являются: а) объективность, т. е. обусловленность закономерностями существования и развития соответствующего общества и государства в определенный период времени; б) концептуальность, основополагающий характер, то есть направленность на наиболее широкие, концептуальные правовые идеи, которые, в свою очередь, находят выражение в конкретных правоотношениях, а также обуславливают правила построения всех стадий уголовно-процессуальной деятельности, осуществления любых процессуальных действий и принятия любых процессуальных решений; в) нормативное выражение, предполагающее их закрепление в соответствующих нормах УПК РФ; г) прямое действие, т. е. способность реализовываться независимо от наличия конкретизирующих и развивающих их уголовно-процессуальных норм; 2) на основании изложенного принципы уголовного судопроизводства можно определить как законодательно закрепленные концептуальные (основополагающие) правовые идеи (положения) прямого действия, которые, объективно отражая закономерности существования и развития общества и государства, определяют характерные черты уголовно-процессуальной деятельности и обуславливают общие правила построения всех ее стадий, осуществления любых процессуальных действий и принятия любых процессуальных решений. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование может быть полезно ученым, студентам, аспирантам и адъюнктам, практическим работникам, а также всем тем, кто интересуется проблемами развития уголовно-процессуальной науки.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы права, принципы уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальное законодательство, уголовно-процессуальная норма.

On Notion and Essence of Criminal Proceedings Principles

Rossinsky S.B., Chelokhsaev O.Z.**

Purpose: analysis of essential attributes that enable to consider separate provisions of criminal procedure law as criminal proceedings principles; the author's definition of the criminal proceedings principles and determination of their value in the context of reasonable balance between the existing international standards and national traditions and vast experience accumulated in this sphere for many years. **Methods:** dialectics, analysis, synthesis, historical legal method, systematic research method. **Results.** 1) The essential attributes of criminal proceedings principles are: a) objectivity, i.e. conditionality of patterns of the corresponding society and state existence and development in a particular period of time; b) conceptuality, fundamental character, i.e. orientation on the broadest, most conceptual legal ideas that in their turn are expressed in specific legal relations and determine the rules for building all stages of criminal procedure activity, carrying out any procedural actions and making any procedural decisions; c) statutory expression stipulating their fixing in the corresponding provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; d) direct action, i.e. an ability to be implemented irrespective of presence of any specifying and developing criminal procedure provisions; 2) based on the above, the criminal proceedings principles can be defined as legislatively established conceptual (fundamental) direct-acting legal ideas (provisions) that objectively reflect the patterns of society and state existence and development, define the characteristic traits of criminal procedure activity and determine the general rules for building all its stages, carrying out any procedural actions and making any procedural decisions. **Scientific and practical significance.** The performed research can be useful to scientists, students, postgraduate students, junior scientific assistants, practitioners and anyone interested in the development of the criminal procedure science.

Key words: criminal proceedings, legal principles, criminal proceedings principles, criminal procedure legislation, criminal procedure provision.

Переход Российской Федерации к новым политическим и социально-экономическим реалиям, признание приоритета прав и свобод личности, ратификация и

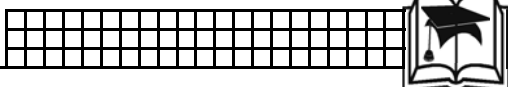
постепенная имплементация целого ряда международно-правовых актов неизбежно обусловили необходимость существенного изменения концептуальных подхо-

* **РОССИНСКИЙ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ**, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, sergey@rossinsky.ru

ЧЕЛОХСАЕВ ОЛЕГ ЗАУРОВИЧ, адвокат адвокатской палаты Республики Северная Осетия — Алания, kalsbnjt@mail.ru

** **ROSSINSKY SERGEY B.**, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law.

CHELOKHSAEV OLEG Z., Lawyer of the Chamber of Lawyers of the Republic of North Ossetia-Alania.

дов к уголовному судопроизводству. Однако итоги многолетнего реформирования уголовно-процессуального законодательства позволили убедиться в абсолютной несостоятельности позиций прозападно ориентированных представителей так называемой либеральной общности, предполагающих бездумную преемственность (слепое копирование) национальной модели уголовного судопроизводства по отношению к механизмам, применяемым в США и Западной Европе. Вполне очевидно, что для современной России необходим собственный, обособленный путь дальнейшего развития уголовно-процессуальной деятельности, с одной стороны, отвечающий существующим международным стандартам, а с другой — учитывающий национальные традиции и богатейший опыт, накопленный в этой сфере за многие годы.

И на этом фоне одним из приоритетных направлений развития российской уголовно-процессуальной науки является изучение и совершенствование наиболее концептуальных правовых положений — принципов уголовного судопроизводства, позволяющих трансформировать заложенные на международном и конституционном уровне правовые ценности в сферу уголовно-процессуального регулирования, и таким образом построить эффективную систему уголовной юрисдикции, отвечающую современным стандартам правового государства. Различные аспекты теории, законодательного регулирования и практики применения принципов уголовного судопроизводства традиционно являлись и продолжают оставаться предметом бурных дискуссий. Причем вплоть до настоящего времени в науке даже не сложилось единого мнения относительно их понятия и сущности, то есть той самой методологической основы, на которой и должны базироваться все остальные доктринальные воззрения, правовые конструкции и правоприменительные технологии, связанные с реализацией принципов уголовного судопроизводства, а по сути — всей уголовно-процессуальной деятельности. Иными словами, неразрешенность этого вопроса тормозит дальнейшее развитие науки, законодательства и практики.

В настоящей статье мы попытаемся изложить свое видение понятия и сущности принципов уголовного судопроизводства и, таким образом, внести свою посильную лепту в разрешение этой сложной научно-практической проблемы.

Вообще любая сфера жизнедеятельности человека, любая функционирующая система, любая научная теория независимо от своей природы или сложности всегда базируется на каких-либо исходных, руководящих положениях, обусловленных закономерностями их существования и развития. Такие положения принято именовать принципами¹. Толковые словари русского языка определяют принцип как основное, исходное положение какой-либо тео-

рии, учения, науки и т. п.² В философской литературе под принципом понимается либо исходное, не требующее доказательств положение теории (то же, что аксиома или постулат), либо внутреннее убеждение, неизменная позиция или правило поведения (то же, что максима или заповедь)³.

Вполне очевидно, что правовая система Российской Федерации также опирается на свои принципы, которые имеют руководящее и основополагающее значение в любых соответствующих правоотношениях. А принципы уголовного судопроизводства как типичного вида правоприменительной (правоохранительной) деятельности имеют по отношению к общеправовым принципам производный, преемственный характер, адаптируя их под свои задачи и наполняя их конкретным содержанием, связанным с предварительным расследованием, судебным разбирательством и разрешением уголовных дел. С данной позицией в целом согласны все ученые-процессуалисты, посвятившие свои работы принципам уголовного судопроизводства, однако она имеет самый общий, не конкретизированный характер. Более тщательный анализ теоретических воззрений по рассматриваемой проблематике показывает существенную разницу между ними, проявляющуюся в деталях. Говоря об отдельных признаках принципов уголовно-процессуальной деятельности, авторы вкладывают в них совершенно различное содержание, обуславливающее отнесение к системе принципов весьма разных по своей природе концептуальных положений. Поэтому для определения сущности принципов уголовного судопроизводства необходимо остановиться на рассмотрении каждого из этих признаков более подробно.

1. Первый сущностный признак принципа уголовного судопроизводства — это его *объективность*. Предполагается, что принципы должны быть объективно обусловлены закономерностями существования и развития соответствующего общества и государства в определенный период времени. Являясь результатом нормотворческой деятельности органов законодательной власти, принципы не могут быть определены произвольно, они должны отражать господствующие взгляды и правосознание населения, а также согласовываться с типом государства, его правовой системой, уровнем теоретической мысли и сложившейся судебной практикой. Об объективности принципов уголовного судопроизводства в свое время писала еще Т.Н. Добровольская⁴. Эта же позиция прослеживается и в трудах современных авторов. Так, Н.И. Газетдинов

¹ Термин «принцип» образован от латинского слова *principium*, что переводится, как «основа» или «начало».

² Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 2. М.: Русский язык, 1987. С. 428; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2003. С. 595.

³ Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: <http://iph.ras.ru>

⁴ Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М.: Юридическая литература, 1971. С. 12.

считает, что принципы уголовного процесса, имея объективный характер, выражают результат развития общественной, в частности судебной, практики, общественной мысли, сложившихся внутри страны и за ее пределами⁵. И.В. Смолькова отмечает, что принципы отражают закономерности общественной и государственной жизни и по своему содержанию объективны⁶. Т.Ю. Вилкова подчеркивает, что принципы уголовного процесса представляют собой объективные правовые категории, отражающие политические, правовые и нравственные идеи, господствующие в обществе⁷.

Применительно к существующей национальной модели уголовного процесса его принципы должны быть обусловлены различными политическими, экономическими, социальными, историческими, этнографическими, культурными и другими факторами, связанными с развитием российского общества, в частности, с намеченным курсом по формированию демократического правового государства, признающего высшей ценностью права и свободы личности. Существенный отпечаток на принципы российского уголовного процесса накладывает его традиционная принадлежность к континентальной (романо-германской) правовой системе. Немаловажным является и опыт, накопленный уголовно-процессуальной наукой и практикой в дореволюционный, советский и постсоветский периоды отечественной истории.

Объективность принципов уголовного судопроизводства не следует отождествить с догматичным консерватизмом и инертностью, предполагающими пассивное течение в общем векторе развития общества и государства со всеми присущими им проблемами и недостатками. Например, если судебная система РФ *de facto* еще не стала поистине независимой, это вовсе не означает ошибочности принципа независимости судей (ст. 8.1 УПК РФ); если дознаватели, следователи, судьи, присяжные еще не обладают достаточным уровнем правосознания, правового понимания и ответственности, это не означает ошибочности принципа свободы оценки доказательств и т. д. Безусловно, принципы уголовного судопроизводства следует формировать с определенной долей правового оптимизма и перспективности, в контексте стремления следственной и судебной практики к постепенному достижению преследуемых ими (принципами) целей и впитыванию заложенных в них правовых ценностей. По совершенно справедливому замечанию Т.Ю. Вилковой, в принципах находят закреп-

ление, как правило, наиболее прогрессивные и передовые идеи⁸.

Однако и эти цели, и связанные с ними правовые ценности должны быть реальными, отвечающими объективным закономерностям существования и развития российского общества и государства. В противном случае такие псевдопринципы, пусть даже сформулированные в духе самых лучших (в частности, американских, европейских, либеральных и других), идеалов, но чуждых национальным традициям, так и останутся не более чем красивыми правовыми иллюзиями, признаваемыми лишь на словах. К примеру, такая судьба была изначально уготована сформулированному по англо-саксонскому образцу принципу состязательности, предполагающему жесткое гетерогенное разделение процессуальных функций на обвинение, защиту и разрешение уголовного дела (ст. 15 УПК РФ), благодаря чему следователь из субъекта — «познавателя», «расследователя» (каким он был ранее) превратился в классического обвинителя-инквизитора, стремящегося по своему функциональному назначению изобличить лицо в совершении преступления⁹. Аналогичная ситуация сложилась с принципами неприкосновенности жилища, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 12–13 УПК РФ), предполагающими предварительный судебный контроль за производством следственных действий, который на практике из действенной гарантии превратился в очередную правовую догму¹⁰.

2. Следующий сущностный признак принципа уголовного судопроизводства — это его *концептуальность, основополагающий характер*. Исходя из самого смысла данной категории принципы являются наиболее общими правовыми положениями, то есть содержат наиболее широкие, концептуальные правовые идеи, которые, в свою очередь, находят выражение в конкретных правоотношениях, а также обуславливают правила построения всех стадий уголовно-процессуальной деятельности, осуществления любых процессуальных действий и принятия любых процессуальных решений. В этой связи И.В. Смолькова указывает, что принципы уголовного судопроизводства — это, прежде всего, концептуальные, методологические положения о наиболее существенных свойствах и закономерностях уголовного судопроизводства, пронизывающие всю уголовно-процессуальную деятельность, все стадии процесса и институты уголовно-

⁵ Газетдинов Н.И. Реализация принципов уголовного судопроизводства. М. : Юрист, 2007. С. 19–20.

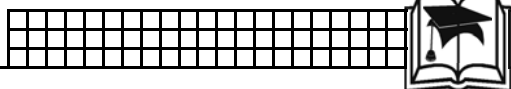
⁶ Смолькова И.В. Понятие принципа уголовного судопроизводства // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 5–6 апреля 2016 г.) : сб. науч. ст. М. : РГУП, 2016. С. 179.

⁷ Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства: правовые основы, содержание, гарантии. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 5.

⁸ Там же.

⁹ Россинский С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 99.

¹⁰ Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Университет имени О.Е. Кутафина, 2015. С. 336–362 ; Его же. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М. : Проспект, 2015. С. 115–132.

процессуального права¹¹. Так, например, принцип неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ) находит свое конкретное выражение при регламентации процессуальных механизмов задержания подозреваемого, заключения обвиняемого под стражу, помещения лица в медицинский или психиатрический стационар и т. д. Принцип обжалования процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ) создает базу для формирования процедур апелляционного, кассационного, надзорного производства, обжалования действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия, прокурора.

Другое дело, что несовершенство процессуального законодательства, ошибки юридико-технического характера, допущенные при подготовке текста УПК РФ, а также вносимых в него дополнений, обуславливают частичное лишение существующих принципов уголовного судопроизводства этой самой концептуальности и нередко сводят их содержание к регламентации мелких, зачастую сугубо технических вопросов правоприменительной практики. На наш взгляд, УПК РФ вообще сильно перегружен правовыми нормами организационного или технического характера, не имеющими высокого правового смысла, о чем мы уже неоднократно писали ранее¹². И в этой связи чрезвычайно огорчительно, что законодатель не смог избежать данного недостатка даже в части формулирования наиболее концептуальных положений уголовно-процессуального права. Например, введенная в 2010 г. ст. 6.1 УПК РФ наряду с совершенно справедливой общей идеей о разумности сроков уголовного судопроизводства содержит целый ряд частных предписаний по ее практической реализации применительно к различным процессуальным правоотношениям. Статья 8.1 УПК РФ помимо концепции о независимости судей предусматривает ряд сугубо технических требований, направленных на борьбу с непроцессуальными обращениями, поступающими в их адрес. Представляется, что всем подобным частным правилам не место в главе 2 УПК РФ, в перспективе они должны быть перенесены в другие разделы и главы Кодекса.

3. Еще один существенный признак принципа уголовного судопроизводства — это *нормативное выражение*, предполагающее его закрепление в соответствующей норме УПК РФ. В этой связи следует обратить внимание, что указанный признак является наиболее спорным и дискуссионным. По данной проблеме в науке существуют три основных точки зрения:

— принципы уголовного судопроизводства должны быть обязательно закреплены в тексте уголовно-процессуального закона. Такая позиция в, частности, выражалась в трудах М.С. Строговича, Т.Н. Добровольской,

П.С. Элькинд, И.В. Тыричева, В.З. Лукашевича¹³. Среди современных процессуалистов подобные взгляды выражают Ю.К. Якимович, Т.Ю. Вилкова¹⁴ и некоторые другие ученые;

— принципы уголовного судопроизводства — это основные, наиболее общие положения, мировоззренческие идеи, не закрепленные законом. Данный научный подход к пониманию принципов уголовного судопроизводства разделяют Н.А. Беляев, В.Т. Томин¹⁵, И.Ф. Демидов, который отмечает, что процессуальные отношения могут определяться принципами, не являющимися специфическими для уголовного процесса (гуманизм, справедливость и т. д.)¹⁶;

— принципы уголовного судопроизводства — это основные, наиболее общие идеи, не получившие прямого нормативного закрепления, но вытекающие из ряда положений закона (каждое из которых формулирует часть соответствующего принципа) либо из складывающейся судебной-следственной практики, например, принцип публичности или полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела. Подобные взгляды разделяют А.П. Кругликов, И.А. Бирюкова, Б.А. Мириев, М.Т. Аширбекова¹⁷.

Признавая определенную разумность и состоятельность всех вышеприведенных позиций, мы тем не менее считаем целесообразным присоединиться к первой из них, предполагающей в качестве принципов уголовного судопроизводства только те правовые идеи, которые прямо закреплены в уголовно-процессуальном законе. Дело

¹³ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 124; Добровольская Т.Н. Указ. соч. С. 8–9, 16; Уголовный процесс: учебник / отв. ред. Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич, П.С. Элькинд. М.: Юридическая литература, 1972. С. 64; Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса: учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1983. С. 6, 12; Уголовный процесс России: общая часть: учебник / под ред. В.З. Лукашевича. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 60.

¹⁴ Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск: Томский госуниверситет, 2015. С. 94; Вилкова Т.Ю. Указ. соч. С. 5.

¹⁵ Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1986. С. 32–34; Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. С. 117.

¹⁶ Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М.: Юридическая литература, 1989. С. 137; Демидов И.Ф. Принципы уголовного судопроизводства в свете Конституции Российской Федерации (проблемы и решения) // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 67–68.

¹⁷ Принципы уголовного процесса Российской Федерации: учебное пособие / под ред. А.П. Кругликова. Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2007. С. 41–45; Мириев Б.А. Реализация принципа публичности в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2014. № 8. С. 16–18; Аширбекова М.Т. О системе принципов уголовного процесса // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам: материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 5–6 апреля 2016 г.): сб. науч. ст. М.: РГУП, 2016. С. 332.

¹¹ Смолькова И.В. Указ. соч. С. 178.

¹² См., напр.: Россинский С.Б. Правилам подследственности не место в Уголовно-процессуальном кодексе // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 95.

в том, что точка зрения о принципах как неких не требующих специальной регламентации правовых аксиомах вполне приемлема, но лишь применительно к общим правовым идеям, находящимся над сферой отраслевого, в частности уголовно-процессуального, регулирования. Данная позиция, безусловно, справедлива в общей теории права, где она и имеет множество сторонников, понимающих под принципами исходные определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права в различных государствах, эпохах и общественных формациях¹⁸. Общие принципы права выражают то главное, основное в праве, что должно быть ориентировано, устремлено на его развитие. В сравнении с правовыми нормами, соответствующими той или иной эпохе, определенному историческому периоду, принципы права отличаются большей устойчивостью, остаются неизменными в течение длительного времени¹⁹. В этой связи весьма примечательно, что ученые-процессуалисты, придерживающиеся подобного широкого подхода в отношении принципов уголовного судопроизводства, в обосновании своей позиции ссылаются именно на работы по общей теории права²⁰.

Таким образом, сторонники данной точки зрения допускают методологическую погрешность, как бы смешивая общее и частное — общеправовые и отраслевые принципы. Бесспорно, что общеправовые принципы также оказывают самое непосредственное воздействие на сферу уголовно-процессуального регулирования (например, те самые справедливость и гуманизм, о которых писал И.Ф. Демидов). Но их применение органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры или судом не требует какой-то специальной адаптации под цели и задачи уголовно-процессуальной деятельности. Тогда как собственные (отраслевые) принципы уголовного судопроизводства, наоборот, позволяют трансформировать заложенные на международном и конституционном уровне правовые ценности в сферу уголовно-процессуального регулирования.

Нормативно-определенный подход к принципам уголовного судопроизводства выделяет эти концептуальные положения из всей массы других правовых ценностей, наполняет их конкретным уголовно-процессуальным смыслом, обуславливает их доктринальную и законодательную автономность; он также позволяет обеспечить регулятивное воздействие принципов на уголовно-процессуальную деятельность.

¹⁸ Явич Л.С. Общая теория права. Л. : ЛГУ им. А.А. Жданова, 1976. С. 149.

¹⁹ Кудрявцев В.Н. О программировании процесса применения права. М. : Наука, 1967. С. 94 ; Васильев А.М. О правовых идеях-принципах // Советское государство и право. 1975. № 3. С. 14 ; Бабаев В.К. Теория современного советского права. Н. Новгород : НВШ МВД СССР, 1991. С. 24 ; и т. д.

²⁰ Газетдинов Н.И. Указ. соч. С. 10–11.

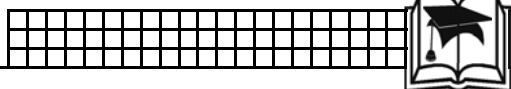
Другое дело, что действующая система принципов уголовного судопроизводства далеко не безгрешна и содержит некоторые основополагающие идеи, которые носят сугубо общий характер и ни в какой уголовно-процессуальной адаптации не нуждаются. Таковыми, например, нам представляются принципы независимости судей (ст. 8.1 УПК РФ), разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). Кстати, они и не были заложены в первоначальную концепцию УПК РФ, а появились значительно позже, в контексте постоянного внесения в него изменений и дополнений, подчас имеющих явно сумбурный и непродуманный характер.

В этой же связи мы не можем согласиться со сторонниками третьей точки зрения, предполагающей, что принципы не имеют прямого нормативного закрепления, но вытекают из ряда положений закона либо складываются в ходе практической деятельности. Уголовно-процессуальный кодекс РФ действительно не включил в систему принципов некоторые проходящие «красной нитью» через его содержание концептуальные идеи, в частности, ту самую публичность (официальность) и всесторонность, полноту и объективность исследования материалов дела. Кроме того, отдельные принципиальные положения были сформированы правоприменительной практикой. Но если законодатель почему-то уклоняется от регламентации подобных принципов даже в связи с существующими позициями Конституционного Суда РФ²¹, то, на наш взгляд, данный факт следует расценивать не как их сущностный признак, а исключительно как недоработку самого законодателя.

4. И последний, на наш взгляд, сущностный признак принципа уголовного судопроизводства — его *прямое действие*, т. е. способность реализовываться независимо от наличия конкретизирующих и развивающих их уголовно-процессуальных норм. Принципы подлежат непосредственному применению и являются обязательными для исполнения участниками уголовного судопроизводства наряду с другими процессуальными положениями. А в случае возникновения неясностей относительно содержания той или иной уголовно-процессуальной нормы она должна толковаться по смыслу соответствующего принципа. Так, еще В.К. Случевский в 1910 г. отмечал, что нередко судья оказывается не в состоянии разрешить встретившийся ему на пути процессуальный казус и выйти из затруднительного положения, в которое его ставят недостатки или недомолвки закона, если бы не существовало принципов, играющих для него роль маяков, освещающих его путь²². И.В. Смолькова пишет, что принципы подлежат непосредственному применению и являются обязательными к исполнению всеми участниками уголовного судопроизводства.

²¹ Постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П и от 16 июля 2008 г. № 9-П // СПС «КонсультантПлюс».

²² Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1910. С. 46.

ства. В случае возникновения неясностей применительно к той или иной норме уголовно-процессуального закона она должна толковаться правоприменителями в контексте смысла соответствующего принципа²³.

К сожалению, пробелы и изъяны уголовно-процессуального законодательства, нестандартные ситуации, встречающиеся в правоприменительной практике, постоянно формируемые новые позиции Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека предопределяют правовую неурегулированность многих вопросов, возникающих в деятельности суда, органов предварительного расследования, других участвующих в уголовном деле лиц. Подобные проблемы могут быть разрешены посредством прямого применения соответствующего принципа уголовного судопроизводства, в частности путем использования правовой аналогии. Примером подобной ситуации может послужить имеющая место до недавнего времени и устраненная лишь в 2012 г.²⁴ правовая неопределенность по поводу порядка продления обвиняемому меры пресечения в стадии подготовки материалов уголовного дела к судебному заседанию (ст. 228 УПК РФ). Еще одним примером может послужить вопрос о возможности обжалования решения квалификационной коллегии судей субъекта РФ о согласии на возбуждение уголовного дела в отношении судьи. Ввиду отсутствия соответствующего процессуального механизма такое решение может быть обжаловано в Высшую квалификационную коллегию судей РФ на основании принципа — права на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ) в порядке, аналогичном апелляционному производству.

Ну, и наконец, некоторые принципы уголовного процесса содержат такие очевидные предписания, что вообще не требует какой-либо конкретизации в других нормах уголовно-процессуального права. Подобным, в частности, является принцип о ведении уголовного дела на русском языке или государственном языке республики, входящей в РФ.

Таким образом, на основании изложенного принципы уголовного судопроизводства можно определить как зако-

нодательно закрепленные концептуальные (основополагающие) правовые идеи (положения) прямого действия, которые, объективно отражая закономерности существования и развития общества и государства, определяют характерные черты уголовно-процессуальной деятельности и обуславливают общие правила построения всех ее стадий, осуществления любых процессуальных действий и принятия любых процессуальных решений.

Их значение заключается в том, что они, вытекая из положений Конституции РФ и международно-правовых актов, создают правовой фундамент для построения эффективной системы уголовного судопроизводства, соответствующей закономерностям существования и развития общества и государства. Посредством принципов уголовное судопроизводство вливается в общую правовую систему государства и становится ее неотъемлемой частью. Принципы уголовного процесса выражают идеологию российского общества и государства — уголовно-процессуальную политику путем их непосредственного формулирования, закрепления и применения правоохранительными и судебными органами.

Принципы в своей совокупности отражают сущность и содержание уголовно-процессуальной деятельности, определяют предмет и метод процессуального регулирования. Помимо этого, они характеризуют уровень защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве, устанавливают основные процессуальные гарантии. Отказ законодателя от одного или нескольких принципиальных положений, а равно и их изменение, объективно повлечет за собой большие перемены в целом ряде норм как общей, так и особенной частей уголовно-процессуального права. И, наконец, принципы являются основным критерием для определения исторического типа (формы) уголовного процесса и обуславливают его принадлежность к той или иной правовой системе.

Именно поэтому принципы уголовного процесса должны отвечать высокому уровню юридической техники, используемой при их законодательном формулировании. Законодатель в этой части должен, безусловно, усовершенствовать стратегию издания нормативных актов, что позволит исключить непредвиденные правовые коллизии и практические казусы, а также будет свидетельствовать об эффективности уголовно-процессуальной политики.

²³ Смолькова И.В. Указ. соч. С 182–183.

²⁴ Федеральный закон от 5 июня 2012 г. № 53–ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

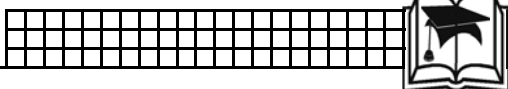
Литература

1. Аширбекова М.Т. О системе принципов уголовного процесса / М.Т. Аширбекова // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 5–6 апреля 2016 г.) : сб. науч. ст. М. : РГУП, 2016. 492 с.
2. Бабаев В.К. Теория современного советского права / В.К. Бабаев. Н. Новгород : НВШ МВД СССР, 1991. 156 с.
3. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н.А. Беляев. Л. : ЛГУ им. А.А. Жданова, 1986. 176 с.
4. Васильев А.М. О правовых идеях-принципах / А.М. Васильев // Советское государство и право. 1975. № 3. С. 11–18.
5. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства: правовые основы, содержание, гарантии / Т.Ю. Вилкова. М. : Юрлитинформ, 2015. 328 с.
6. Газетдинов Н.И. Реализация принципов уголовного судопроизводства / Н.И. Газетдинов. М. : Юрист, 2005. С. 68–74.
7. Демидов И.Ф. Принципы уголовного судопроизводства в свете Конституции Российской Федерации (проблемы и решения) / И.Ф. Демидов // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 66–76.

8. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики) / Т.Н. Добровольская. М. : Юридическая литература, 1971. 200 с.
9. Кудрявцев В.Н. О программировании процесса применения права / В.Н. Кудрявцев. М. : Наука, 1967. С. 84–99.
10. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М. : Юридическая литература, 1989. 640 с.
11. Мириев Б.А. Реализация принципа публичности в стадии возбуждения уголовного дела / Б.А. Мириев // Российский следователь. 2014. № 8. С. 14–16.
12. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: <http://iph.ras.ru>
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М. : ИТИ Технологии, 2003. 944 с.
14. Принципы уголовного процесса Российской Федерации : учебное пособие / под ред. А.П. Кругликова. Волгоград : Волгоградский госуниверситет, 2007. 736 с.
15. Россинский С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 93–100.
16. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу : дис. ... д-ра юрид. наук / С.Б. Россинский. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. 40 с.
17. Россинский С.Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве / С.Б. Россинский. М. : Проспект, 2015. 208 с.
18. Россинский С.Б. Правилам подследственности не место в Уголовно-процессуальном кодексе / С.Б. Россинский // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 92–99.
19. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 2. М. : Русский язык, 1987. 736 с.
20. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса / В.К. Случевский. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1910. 684 с.
21. Смолькова И.В. Понятие принципа уголовного судопроизводства / И.В. Смолькова // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 5–6 апреля 2016 г.) : сб. науч. ст. М. : РГУП, 2016. 492 с.
22. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович .Т. 1. М. : Наука, 1968. 470 с.
23. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Томин. М. : Юрайт, 2009. 376 с.
24. Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса : учебное пособие / И.В. Тыричев. М. : ВЮЗИ, 1983. 80 с.
25. Уголовный процесс России: общая часть : учебник / под ред. В.З. Лукашевича. СПб. : СПбГУ, 2004. 448 с.
26. Уголовный процесс : учебник / отв. ред. Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич, П.С. Элькинд. М. : Юридическая литература, 1972. 584 с.
27. Явич Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. Л. : ЛГУ им. А.А. Жданова, 1976. 285 с.
28. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства / Ю.К. Якимович. Томск : Томский госуниверситет, 2015. 168 с.

DOI : 10.18572/1813-1190-2017-6-27-30

Развитие евразийской интеграции как предпосылка к совершенствованию систем организации государственного финансового контроля в странах Евразийского экономического союза

Максимова Д.А.*

Цель. Финансовый контроль, являясь основным способом обеспечения законности и целесообразности проводимой финансовой деятельности государства, представляет собой некий непрерывный системный процесс, развивающийся на основе определенных принципов. В настоящее время наблюдается стремительное развитие евразийской интеграции, в частности, в рамках формирования и развития Евразийского экономического союза. При этом интеграция, осуществляемая с учетом формирования ЕАЭС и охватывающая все сферы общественной жизни, способствует в том числе и совершенствованию действующей системы государственного финансового контроля государств — членов ЕАЭС, включая принципы ее функционирования. Таким образом, представляется актуальным исследовать активно развивающийся в рамках евразийской интеграции переход государств — членов ЕАЭС на более высокий, отвечающий общепризнанным принципам и международным стандартам, уровень управления финансами. **Методология:** анализ, синтез, обобщение, формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения. **Выводы.** Мировое сообщество в настоящий момент находится в условиях интенсивно развивающейся в рамках Евразийского экономического союза интеграции. При этом интеграция, осуществляемая с учетом формирования ЕАЭС, не только охватывает все сферы общественной жизни государств — членов ЕАЭС, но и является своего рода рычагом к совершенствованию данных сфер общественной жизни. Об этом свидетельствуют различные нормативно-правовые акты, принимаемые в государствах — членах ЕАЭС с целью совершенствования правовой базы, ее приведения к общепризнанным принципам и международным стандартам. Нельзя не отметить и процесс совершенствования действующей системы государственного финансового контроля в государствах — членах ЕАЭС (в том числе и совершенствования принципов ее функционирования), который осуществляется одновременно с развитием межгосударственного сотрудничества в рамках ЕАЭС, способствуя построению наиболее эффективной системы государственного финансового контроля. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование позволяет выявить зарождающуюся в рамках развития ЕАЭС тенденцию к совершенствованию всей правовой базы законодательства Российской Федерации, а также иных государств — членов ЕАЭС, в том числе и совершенствование системы государственного финансового контроля указанных стран. Выводы настоящего исследования могут быть использованы при совершенствовании законодательной базы РФ, а также законодательной базы иных государств — членов ЕАЭС, а именно в части анализа принимаемых вследствие участия в ЕАЭС нормативно-правовых актов государств — членов ЕАЭС и возможного усовершенствования на основании данных правовых актов существующего национального законодательства.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, государственный финансовый контроль, экономическая эффективность, законность, доходы, внебюджетные фонды.

Development of Eurasian Integration as Prerequisite for Improvement of State Financial Control Arrangement System in Countries of the Eurasian Economic Union

Maksimova D.A.**

Purpose. Financial control, being the main way to ensure the legality and practicability of the financial activities of the state, it represents a continuous system process that develops on the basis of certain principles. At present, there is a dynamic development of Eurasian integration, in particular, within the formation and development of the Eurasian Economic Union. At the same time, integration, within the formation of the EAEU, covering all spheres of public life, and contributes to the improvement of the existing system of state financial control member states of the EAEU, including the principles of its functioning. As a result, it seems relevant to examine the active development within Eurasian integration the transition of the member states of the EAEU the higher level of financial management that meets the generally recognized principles and international standards. **Methods:** analysis, synthesis, generalization, formal-legal method, method of comparative law. **Results.** The international community currently is in terms of a rapidly developing within the Eurasian economic Union integration. The integration within the Eurasian economic Union covers all spheres of public

* МАКСИМОВА ДАРЬЯ АНДРЕЕВНА, соискатель кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный юрист-консульт по сопровождению сделок Управления юридического сопровождения банковских операций Юридического департамента Организационно-правовой дирекции, maksimovadaria@yandex.ru

** МАКСИМОВА ДАРЬЯ А., Degree-Seeking Student of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Chief Legal Counsel for Support of Transactions of the Division of Legal Support of Banking Operations of the Law Department of the Organizational Legal Directorate.

life member states of the EAEU and also is a way to the improvement of these areas of public life. This is evidenced by various normative-legal acts adopted in the member states of the EAEU with the aim of improving the legal base, its conversion to the generally recognized principles and international standards. Not to mention the process of improving the current system of state financial control in the member states of the EAEU (including the improvement of the principles of its functioning), which occurs simultaneously with the development of interstate cooperation within the EAEU, helping to build the most effective system of state financial control. **Scientific and practical significance.** This study allows to identify within the development of the Eurasian economic Union tend to perfecting the legal base of the legislation of the Russian Federation and other member states of the EAEU, including improving the system of state financial control of these countries. The results of this study can be used to improve the legislation of the Russian Federation, and also legislative base of other member states of the EAEU, namely, in the analysis taken as a result of participation in the EAEU legal acts of the member states of the EAEU and possible improvement on the basis of legal acts of the existing national legislation.

Key words: the Eurasian Economic Union, state financial control, economic efficiency, legitimacy, profits, extra-budgetary funds.

Финансовый контроль, являясь одной из ключевых составляющих системы государственного управления, служит основным способом обеспечения законности и целесообразности проводимой финансовой деятельности государства.

В современной юридической литературе существует множество подходов к трактовке финансового контроля. Ряд ученых (например, О.Н. Горбунова¹, Т.А. Башкатова², Л.Н. Овсянникова³) в своих публикациях рассматривают финансовый контроль в его узком смысле как регламентированную деятельность специально созданных контролирующих органов государственной власти по обеспечению, целесообразности и эффективности финансовых операций.

Другие специалисты финансового права формулируют наиболее общее понятие финансового контроля. Так, С.О. Шохин рассматривает финансовый контроль как многоаспектную межотраслевую систему наблюдения наделенных контрольными функциями государственных и общественных органов за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий, учреждений и организаций с целью объективной оценки экономической эффективности этой деятельности, установления законности и целесообразности хозяйственных и финансовых операций и выявления доходов государственного бюджета и внебюджетных фондов⁴.

Н.И. Химичева, Т.В. Конюхова определяют финансовый контроль еще более широко, «как контроль за соблюдением законности и целесообразности действий в области образования, распределения и использования государственных, муниципальных и иных денежных фондов (финансовых ресурсов) публичного характера в целях эффективного социально-экономического развития страны в целом и ее регионов»⁵.

Следует отметить, что при всем разнообразии существующих подходов финансовый контроль рассматривается специалистами финансового права как некий непрерывный системный процесс. При этом любой системный процесс не может эффективно развиваться без определенных принципов. В основу построения системы государственного финансового контроля большинства развитых стран заложены прежде всего принципы государственного финансового контроля, закрепленные в Лимской декларации руководящих принципов контроля, принятой в 1977 году на IX Конгрессе Международной организации высших органов финансового контроля⁶. Указанный документ определяет следующие принципы финансового контроля, являющиеся неотъемлемой частью системы организации финансового контроля: законность, правильность распределения финансовых средств, целесообразность, экономичность и эффективность финансовой деятельности, функциональная и организационная независимость высших контрольных органов от проверяемых ими организаций и от постороннего влияния.

Среди международно-правовых актов, регулирующих принципы организации финансового контроля, заслуживает внимания также принятый в рамках Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ 4 декабря 2004 года на 24-м пленарном заседании Постановлением № 24-11 «Модельный закон о государственном финансовом контроле» (далее — «Модельный закон»)⁷. Данный документ более широко раскрывает принципы, на основании которых должен быть организован и осуществлен государственный финансовый контроль.

Согласно ст. 3 Модельного закона принципами организации государственного финансового контроля являются:

а) разграничение деятельности органов государственного финансового контроля в соответствии с установленным национальным законодательством разграни-

¹ Финансовое право / под ред. О.Н. Горбуновой. М., 2000. С. 108, 109.

² Башкатова Т.А. Сущность и функции финансового контроля : учебник / под ред. Л.А. Дробозиной. М. : ЮНИТИ, 2000. С. 385.

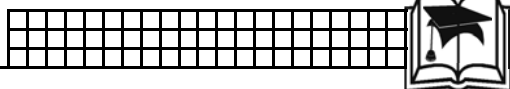
³ Овсянников Л.Н. Игра без правил // Финансы. 2001. № 12. С. 56–57.

⁴ Шохин С.О. Проблемы и перспективы развития финансового контроля в Российской Федерации. М., 1999. С. 27.

⁵ Финансовое право : учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2008. С. 139 ; Конюхова Т.В. Правовые акты об органах, осуществляющих финансовый контроль // Законодательство и экономика. 1997. № 19–20. С. 25.

⁶ Лимская декларация руководящих принципов контроля (принята в г. Лиме 17.10.1977–26.10.1977 IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ)) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Модельный закон о государственном финансовом контроле (принят в г. Санкт-Петербурге 04.12.2004 Постановлением 24-11 на 24-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // СПС «КонсультантПлюс».

чением функций и полномочий органов законодательной и исполнительной власти;

б) разграничение функций и полномочий между органами общегосударственного финансового контроля и территориальными органами государственного финансового контроля;

в) функциональная, организационная, персональная и финансовая независимость органов государственного финансового контроля и их должностных лиц от объектов контроля;

г) координация деятельности органов государственного финансового контроля с целью исключения дублирования в их деятельности и обеспечения единой системы государственного финансового контроля на всех уровнях государственной власти.

Принципами осуществления государственного финансового контроля являются:

а) законность;

б) объективность;

в) гласность при условии соблюдения государственной, коммерческой и иной охраняемой законом тайны;

г) системность и плановость в деятельности органов государственного финансового контроля с целью наиболее полного охвата контрольными мероприятиями всех направлений финансовой деятельности государства.

Основными, наиболее важными принципами при осуществлении финансового контроля являются, прежде всего, принцип законности, принцип объективности и принцип независимости. Законность предполагает проведение контрольных мероприятий, а также соблюдение контролирующими органами и организациями законодательных требований. Независимость означает главным образом независимость выводов и заключений проверяющего органа (субъекта). Принцип объективности свидетельствует об объективном и непредвзятом результате, отражающем реальную ситуацию. Именно на основании этих принципов во многих странах осуществляется правовое регулирование отношений, складывающихся в процессе реализации государством своих контрольных полномочий в сфере управления финансами.

В настоящее время наблюдается стремительное развитие евразийской интеграции. 1 января 2015 года вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС), закрепивший взаимовыгодное сотрудничество таких государств, как Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан. На текущий момент к Евразийскому экономическому союзу присоединились также Республика Армения и Кыргызская Республика. Увеличение количества членов ЕАЭС главным образом свидетельствует о дальнейшем развитии евразийской интеграции. При этом одновременно с развитием единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации (с учетом формирования ЕАЭС) в государствах — членах

ЕАЭС наблюдается также активный переход на качественно более высокий, отвечающий общепризнанным принципам и международным стандартам, уровень управления общественными финансами.

Так, в Бюджетном послании Президента РФ Федеральному собранию от 13.06.2013 г. «О бюджетной политике в 2014–2016 годах»⁸ Президент РФ В.В. Путин отметил, что в целях обеспечения прозрачности бюджетов и бюджетного процесса необходимо начать внедрение международных стандартов финансовой отчетности общественного сектора. В Программе повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 2593-р⁹, в перечне мероприятий по повышению качества внутреннего финансового контроля и аудита отмечается анализ и учет международных стандартов внутреннего финансового контроля и аудита, в частности, стандартов Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) и Института внутренних аудиторов, а также передовой зарубежной практики.

В соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 11 января 2016 г. № 167 «Об утверждении Общих стандартов государственного аудита и финансового контроля и признании утратившим силу Указа Президента Республики Казахстан от 7 апреля 2009 г. № 788 „Об утверждении Стандартов государственного финансового контроля“»¹⁰ вновь утвержденные в Республике Казахстан общие стандарты государственного аудита и финансового контроля разработаны с учетом принципом международных стандартов государственного аудита и финансового контроля, что не предусматривалось в стандартах государственного финансового контроля, действующих ранее.

В соответствии со Стратегией реформирования системы управления государственными финансами Республики Беларусь, определенной Постановлением Совета министров Республики Беларусь от 23.12.2015 № 1080¹¹, для развития в Республике Беларусь финансового контроля и аудита в соответствии с международными подходами предусматривается изучение соответствующего международного опыта (принципов и стандартов), в том числе с привлечением международных экспертов, для

⁸ Бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию от 13.06.2013 «О бюджетной политике в 2014–2016 годах» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2013 № 2593-р «Об утверждении Программы повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ URL: http://tengrinews.kz/zakon/prezident_respubliki_kazahstan/finansyi/id-U1600000167/

¹¹ URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=C21501080&p1=1>

сравнительного анализа и выбора наиболее приемлемого пути совершенствования финансового контроля и аудита со стороны государственных органов Республики Беларусь.

Согласно Стратегии Центрального банка Республики Армения на 2015–2017 гг.¹² в 2015–2017 гг. усилия Центрального банка Республики Армения будут направлены на внедрение и применение лучшего международного опыта в финансовом секторе в целях обеспечения разнообразия и равномерного развития финансового сектора, в том числе, как следствие, и в целях совершенствования сферы финансового контроля, являющейся неотъемлемой частью финансового сектора в целом.

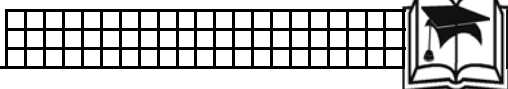
Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что мировое сообщество в настоящий момент находится в условиях интенсивно развивающейся в

рамках Евразийского экономического союза интеграции. При этом интеграция, осуществляемая с учетом формирования ЕАЭС, не только охватывает все сферы общественной жизни государств — членов ЕАЭС, но и является своего рода рычагом к совершенствованию данных сфер общественной жизни. Об этом свидетельствуют различные нормативно-правовые акты, принимаемые в государствах — членах ЕАЭС с целью совершенствования правовой базы, ее приведения к общепризнанным принципам и международным стандартам. Нельзя не отметить и процесс совершенствования действующей системы государственного финансового контроля в государствах — членах ЕАЭС (в том числе и совершенствования принципов ее функционирования), который осуществляется одновременно с развитием межгосударственного сотрудничества в рамках ЕАЭС, способствуя построению наиболее эффективной системы государственного финансового контроля.

¹² URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dofp/valuta/Documents/>

Литература

1. Финансовое право / под ред. О.Н. Горбуновой. М., 2000. 495 с.
2. Башкатова Т.А. Сущность и функции финансового контроля : учебник / Т.А. Башкатова ; под ред. Л.А. Дробозиной. 2001. 479 с.
3. Овсянников Л.Н. Игра без правил / Л.Н. Овсянников // Финансы. 2001. № 12. С. 56–57.
4. Шохин С.О. Проблемы и перспективы развития финансового контроля в Российской Федерации / С.О. Шохин. М., 1999. 355 с.
5. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2005. 464 с.
6. Конюхова Т.В. Правовые акты об органах, осуществляющих финансовый контроль / Т.В. Конюхова // Законодательство и экономика. 1997. № 19–20. С. 22–49.
7. URL: http://tengrinews.kz/zakon/prezident_respubliki_kazahstan/finansyi/id-U1600000167/
8. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=C21501080&p1=1>
9. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dofp/valuta/Documents/>

DOI : 10.18572/1813-1190-2017-6-31-37

Ответственность пациента за клевету и распространение ложных сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию медицинского работника и медицинской организации

Габай П.Г., Карапетян Р.Ю.*

Цель. Лица, осуществляющие медицинскую деятельность в России, зачастую становятся жертвами клеветничества, оскорблений и иных действий, направленных на ущемление их чести, достоинства и деловой репутации. При этом они редко обращаются за защитой своих прав, и такое поведение «недобросовестных» пациентов становится едва ли не нормой поведения. В связи с этим существует необходимость в правовом исследовании проблем привлечения к уголовной и гражданско-правовой ответственности пациента за клевету и (или) распространение порочащих недостоверных сведений о медицинском работнике или медицинской организации соответственно. **Методология:** диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, обобщение, аналогия, дедукция, индукция, формально-юридический метод. **Выводы.** Условием привлечения пациента к гражданско-правовой ответственности за распространение недостоверных, порочащих сведений о медицинском работнике и медицинской организации в соответствии со ст. 152 Гражданского кодекса РФ является установление судом следующих обстоятельств: факта распространения недостоверных сведений, их порочащего характера, а также несоответствия действительности. Сложившаяся судебная практика свидетельствует о том, что на сегодняшний день уже существует достаточно большое количество дел, в которых подобные иски медицинских работников и медицинских организаций к пациентам были удовлетворены. Условием же наступления уголовной ответственности пациента по ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ за клевету, совершенную в отношении медицинского работника, является установление не только факта распространения ложных сведений, их порочащего характера и ложности, но и наличия у пациента заведомости в отношении ложности распространенных им сведений, а также прямого умысла на осуществление клеветы. При этом уголовных дел о клевете, совершенной пациентом в отношении медицинского работника, авторами настоящего исследования обнаружено не было. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование позволило выделить и описать механизмы наступления ответственности пациента за распространение порочащих сведений в отношении медицинского работника и медицинской организации, а также основания, исключающие ее наступление. Это первое всестороннее исследование в этой области.

Ключевые слова: защита чести, достоинства и деловой репутации, клевета, гражданско-правовая ответственность пациента, уголовная ответственность пациента, медицинский работник, медицинская организация, сфера здравоохранения.

Patient's Liability for Slander and Distribution of False Data Defaming Honour, Dignity and Business Reputation of Healthcare Worker and Healthcare Organization

Gabay P.G., Karapetyan R.Yu.**

Purpose. Persons engaged in medical activities in Russia are often becoming the victims of slander, insult and other illegal actions aimed at infringement of their honour, dignity and business reputation. At the same time, they rarely apply for protection of their violated rights and that behavior of "dishonest" patients becomes almost the norm. In this regard, there is a need for a legal research of the problems of bringing the patient to the criminal and civil liability for slander, and (or) dissemination of defamatory and unauthentic information about a medical worker or medical organization, respectively. **Methods:** dialectics, abstraction, analysis, synthesis, generalization, analogy, deduction, induction, formal-juridical method. **Results.** Grounds for bringing the patient to civil liability for dissemination of unauthentic and defamatory information about a medical worker or medical organization, in accordance with the Article 152 of the Civil Code of Russian Federation is the establishment of the following circumstances by the court: the fact of dissemination of unauthentic information, their defaming nature, and their non-conformity to the reality. Judicial practice testifies that for today there is already quite a large number of cases where such claims of medical workers and medical organizations against patients have been satisfied. The condition for bringing the patient to criminal liability in accordance with the Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation for slander committed against a medical officer is the establishment of not only the fact of dissemination of false information, their defaming nature, and their non-conformity to the reality, but also the patient's knowledge of deliberation of falsity of the information disseminated by him and of his direct intent to commit slander. At the same time, the authors of this research

* ГАБАЙ ПОЛИНА ГЕОРГИЕВНА, генеральный директор ООО «Факультет медицинского права», polina.gabay@kormed.ru
КАРАПЕТЯН РИММА ЮРИКОВНА, юрисконсульт ООО «Факультет медицинского права», rimma.karapetyan@kormed.ru

** GABAY POLINA G., General Director of Medical Law Faculty, LLC.
KARAPETYAN RIMMA YU., Legal Counsel of Medical Law Faculty, LLC.

did not find any criminal cases of libel committed by a patient against a medical worker. **Scientific and practical significance.** The research made it possible to identify and describe the mechanisms of the liability of the patients for dissemination of defamatory information about a medical worker or medical organization, and the legal grounds for excluding the responsibility. This is the first comprehensive research in the current field.

Key words: protection of honour, dignity and business reputation, slander, civil liability of the patient, criminal liability of the patient, medical worker, medical organization, healthcare system.

Специфика правоотношений в рамках оказания медицинской помощи связана с высокой степенью нервно-психического, эмоционального и физического напряжения как для лица, оказывающего медицинскую помощь, так и для лица, получающего ее.

В связи с этим зачастую в рамках правоотношений пациент — медицинский работник — медицинская организация защиты требует не только пациент, но и медицинский работник, а в некоторых случаях и медицинская организация.

Так, известно немало случаев применения пациентами (их родственниками) в отношении врачей и иных медицинских работников как физической силы, направленной на причинение вреда их жизни или здоровью (нанесение побоев, ножевых ранений, удержание работников скорой медицинской помощи в качестве заложников и т. д.), так и совершения клеветничества, оскорблений и иных действий, направленных на ущемление чести, достоинства и деловой репутации медицинского работника. При этом сложившаяся судебная практика свидетельствует о том, что на сегодняшний день медицинские работники редко обращаются за защитой своих нарушенных прав, в связи с чем агрессия, неуважение и грубость со стороны пациента по отношению к медицинскому работнику «становятся едва ли не нормой поведения»¹.

Отметим, что действующим законодательством Российской Федерации за ущемление чести, достоинства и репутации лица предусмотрена как гражданско-правовая ответственность (в соответствии со ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)), так и уголовная ответственность (в соответствии со ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)).

В настоящей статье будет представлено правовое исследование возможной уголовной (по ст. 128.1 УК РФ) и гражданско-правовой ответственности (по ст. 152 ГК РФ) пациента за клевету и (или) распространение порочащих недостоверных сведений о медицинском работнике или медицинской организации соответственно, описаны механизмы наступления ответственности, основания, исключаящие ее наступление, представлены примеры из судебной практики.

Отметим, что обе рассматриваемые в настоящем исследовании статьи направлены на защиту чести, достоинства и деловой репутации лица. В связи с этим при разрешении споров по ним суды руководствуются Постанов-

лением Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (далее — Постановление № 3).

Гражданско-правовая ответственность пациента за распространение порочащих сведений

Как уже было отмечено выше, ущемление чести, достоинства и репутации лица, в том числе юридического, путем распространения порочащих недостоверных сведений может повлечь за собой наступление гражданско-правовой ответственности по ст. 152 ГК РФ.

Так, в ч. 1 и 9 ст. 152 ГК РФ установлено, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, а также возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений, если распространивший указанные сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

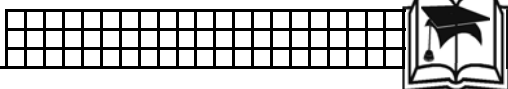
Отметим, что ст. 152 ГК РФ **распространяет свое действие также и на право защиты деловой репутации юридических лиц**, в отношении которых были распространены порочащие сведения, несоответствующие действительности (при этом юридическое лицо вправе требовать опровержения порочащих сведений, а также возмещения убытков, а компенсации морального вреда — нет).

Таким образом, из данной нормы ГК РФ можно сделать вывод о том, что пациент может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности по ст. 152 ГК РФ в том случае, если им было совершено распространение недостоверных сведений в отношении медицинского работника (или в отношении медицинской организации), то есть сведений, несоответствующих действительности, и если такие распространенные сведения порочат честь, достоинство или деловую репутацию медицинского работника (деловую репутацию медицинской организации).

При этом бремя доказывания по таким спорам распределено следующим образом (п. 9 Постановления № 3): истец обязан доказывать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск и порочащий характер распространенных сведений, а ответчик — соответствие действительности распространенных сведений.

Авторами настоящей статьи был осуществлен анализ обширного массива судебной практики, по результатам которого был выявлен ряд примеров судебных дел по гражданским спорам между медицинскими работниками

¹ Инструкция для врачей: Что делать, если вас оскорбляет пациент [Электронный ресурс] // URL: <http://doctorpiter.ru/articles/9533/> (дата обращения: 16.05.2017).

(а также медицинскими организациями) и пациентами в рамках ст. 152 ГК РФ.

Примерами таких судебных дел, в которых ответчик-пациент (его родственник / законный представитель) был привлечен к гражданско-правовой ответственности за распространение недостоверных порочащих сведений о медицинском работнике или медицинской организации, являются:

- Решение Таштагольского городского суда Кемеровской области от 16.06.2015 по делу № 2-949/2015;
- Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 30.06.2015 по делу № 33-5532/2015;
- Апелляционное определение Ростовского областного суда от 14.07.2015 по делу № 33-9710/2015;
- Решение Ленинского районного суда г. Красноярска от 09.09.2014 по делу № 2-2361/2014;
- Решение Псковского городского суда Псковской области от 01.09.2014 по делу № 2-1370/2014;
- Решение Октябрьского районного суда г. Иркутска от 25.08.2015 по делу № 2-3251/2015;
- Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 07.07.2016 г. по делу № 33-11410;
- Решение Промышленного районного суда г. Самара от 11.12.2015 по делу № 2-8082/2015.

Примерами же судебных постановлений, в которых иски о требованиях медицинских работников и медицинских организаций по делам о распространении пациентами недостоверных порочащих сведений оставлены БЕЗ удовлетворения, являются:

- Решение Красногорского городского суда Московской области от 22.12.2014 по делу № 2-5789/2014;
- Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 26.06.2015 по делу № 33-2349/2015;
- Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 03.04.2013 по делу № 33-3198/2013;
- Апелляционное определение Верховного суда Республики Тыва от 27.10.2015 по делу № 33-1567/2015.

Уголовная ответственность пациента за клевету в отношении медицинского работника

Что касается возможной уголовной ответственности пациента за распространение порочащих медицинского работника сведений, то из ч. 1 ст. 128.1 УК РФ следует, что такая ответственность возможна в том случае, если пациентом совершена клевета — **распространение заведомо ложных сведений**, порочащих честь и достоинство медицинского работника или подрывающих его репутацию.

Следует учитывать, что **распространение заведомо ложных сведений, подрывающих деловую репутацию юридического лица, не может квалифицироваться по ст. 128.1 УК РФ (защита репутации юридических лиц может осуществляться только в порядке гражданского судопроизводства).**

Условием привлечения к уголовной ответственности за клевету по ст. 128.1 УК РФ является наличие следующих четырех элементов состава данного преступления:

- **объект:** объектом клеветы выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации человеком естественного, гарантированного нормами международного и конституционного законодательства, права на достоинство, честь и репутацию²;
- **объективная сторона:** объективная сторона клеветы характеризуется действиями, состоящими в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию³;
- **субъект:** субъектом клеветы является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста;
- **субъективная сторона:** субъективная сторона клеветы выражена умышленной формой вины (прямой умысел).

Совершение клеветы ст. 128.1 УК РФ относится к преступлениям небольшой тяжести, и уголовная ответственность по данной статье не содержит наказание в виде лишения свободы. Уголовная ответственность за клевету подразумевает назначение уголовного наказания либо в виде штрафа до 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо в виде обязательных работ на срок до 240 часов.

В процессе осуществления поиска и анализа судебной практики по уголовным делам о клевете нами не было обнаружено ни одного судебного постановления, в котором подсудимым являлся бы пациент (или его представитель или родственник), распространивший клеветнические сведения о враче (или ином медицинском работнике).

Обстоятельства наступления ответственности за распространение порочащих сведений и за клевету

Прежде чем перейти к тщательному изучению всех элементов состава по ст. 152 ГК РФ и ст. 128.1 УК РФ, подведем итоговые выводы: какие же обстоятельства являются обязательными для наступления ответственности в рамках исследуемых статей? Анализ соответствующих положений кодексов, Постановления № 3, а также сложившейся на сегодняшний день судебной практики показал, что наступление ответственности по ст. 152 ГК РФ и ст. 128.1 УК РФ возможно только при одновременном наличии трех (пяти при уголовной ответственности) следующих обстоятельств, которые должны быть установлены судом:

По ст. 152 ГК РФ	По ст. 128.1 УК РФ
1. Факт распространения пациентом недостоверных (ложных) сведений о медицинском работнике (медицинской организации)	

² Там же.
³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др. ; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.

2. Порочащий характер распространенных сведений	
3. Несоответствие распространенных сведений действительности (их ложность)	
—	Наличие заведомости у пациента в отношении ложности распространяемых им сведений
	Наличие прямого умысла на осуществление клеветы в отношении медицинского работника

Честь, достоинство и деловая репутация

Отметим, что в контексте ст. 152 ГК РФ и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ такие понятия, как честь и достоинство, факт распространения ложных сведений, порочащий характер распространенных сведений, недостоверность (ложность) сведений практически совпадают.

Так, в рамках ст. 152 ГК РФ и ст. 128.1 УК РФ **под достоинством понимается** отражение в индивидуальном сознании человека его собственных качеств, способностей, мировоззрения, социальной ценности и значимости, а также иных подобных качеств и уважение этих качеств в себе⁴.

А **честь представляет собой** достойные уважения и гордости личностные (моральные) свойства и качества человека⁵.

Репутация в контексте ст. 128.1 УК РФ является приобретенной человеком общественной оценкой его достоинств, качеств и способностей⁶.

В то же время в ст. 152 ГК РФ используется понятие **«деловая репутация»**, под которой понимается сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании⁷.

Распространение пациентом недостоверных (ложных) сведений о медицинском работнике или медицинской организации

Из п. 7 Постановления № 3 следует, что **под распространением порочащих сведений** (в контексте ст. 152 ГК РФ и ст. 128.1 УК РФ) понимается в том числе опубликование таких сведений в печати, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в слу-

жебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщении в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Механизм распространения сведений может быть следующим:

- опубликование сведений на различных интернет-ресурсах (форумах, социальных сетях, официальных сайтах государственных органов и т. д.), опубликование сведений в СМИ;

- сообщение сведений в официальных жалобах, письмах, обращениях в государственные или муниципальные органы (органы прокуратуры, Минздрав, Росздравнадзор, ФФОМС и т. д.);

- сообщение сведений в жалобах, обращениях в медицинскую организацию (должностным лицам медицинской организации), в которой медицинский работник осуществляет трудовую деятельность.

В качестве доказательств распространения могут служить копии жалоб, обращений, писем и т. д., в которых присутствуют порочащие сведения, свидетельские показания и пр.

При этом сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем, чтобы они не стали известными третьим лицам.

Важно то, что если недостоверные порочащие сведения были распространены пациентом при официальном обращении последнего с заявлением или жалобой в государственные или муниципальные органы (в том числе при обращении в Роспотребнадзор, Росздравнадзор, прокуратуру, суды и т. д.), привлечь его к ответственности как по ст. 152 ГК РФ, так и по ст. 128.1 УК РФ возможно только в случае наличия с его стороны злоупотребления правом (т. е. если судом будет установлено, что лицо обращалось в государственный или муниципальный орган с целью реализовать свое право на обращение в указанные органы для защиты своих прав и законных интересов, то клевета отсутствует, как и отсутствуют основания для привлечения к гражданско-правовой ответственности по ст. 152 ГК РФ).

В качестве **злоупотребления правом** (ситуации, когда обращение гражданина в государственные или муниципальные органы не имело под собой никаких оснований и продиктовано не намерением защитить свои права и охраняемые законом интересы, а исключительно намерением причинить вред другому лицу) гражданскими судами могут быть признаны следующие случаи, при которых пациент обращается с заявлениями, жалобами и т. д. в государственные или муниципальные органы:

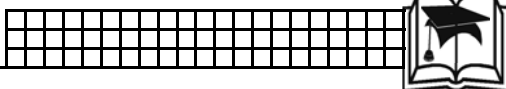
- когда, несмотря на отрицательные результаты рассмотрения своих обращений, жалоб и пр., пациент все равно продолжает направлять новые письма, жалобы и т. д. в различные официальные инстанции по тем же вопросам;

⁴ Клевета, понятие и признаки [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kleveta.net/> (дата обращения: 16.05.2017); Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2013. 912 с.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головенков и др.; под ред. А.И. Чучаева. Испр., доп., перераб. М.: КОНТРАКТ, 2013. 672 с.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный)...

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М., 1996. С. 80.

• когда сведения, которые он распространяет, были ранее опровергнуты судебным решением и т. д.

При этом **отсутствие факта злоупотребления правом при обращении пациентов в Росздравнадзор, прокуратуру и иные органы является наиболее частой причиной отказов в удовлетворении исков медицинских организаций и медицинских работников к пациентам в рамках ст. 152 ГК РФ**. Это связано с тем, что суд все-таки в большинстве дел находит, что основной целью обращения пациента в государственные органы являлось не обвинение медицинских работников в совершении преступлений, правонарушений и т. д., а желание защитить свои права и охраняемые законом интересы.

По всем же рассмотренным делам по ст. 128.1 УК РФ клевета отсутствовала, если сведения обвиняемым лицом были распространены в рамках обращения в государственный или муниципальный орган.

Порочащий характер распространённых сведений

Порочащими сведениями (как в рамках ст. 152 ГК РФ, так и по ст. 128.1 УК РФ) могут быть признаны, в частности, сведения, содержащие утверждения о нарушении лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной или общественной жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина (либо юридического лица по ст. 152 ГК РФ) (п. 7 Постановления № 3).

Порочащими (как в рамках ст. 152 ГК РФ, так и в рамках ст. 128.1 УК РФ) являются, в частности, следующие утверждения, умаляющие честь, достоинство или репутацию медицинского работника:

- был в состоянии алкогольного или наркотического опьянения при оказании медицинской помощи;
- отказал в оказании медицинской помощи;
- нанес пациенту побои и т. д.;
- взял с пациента плату за медицинскую помощь, которая должна была быть оказана бесплатно в рамках ОМС;
- «вымогал» у пациента деньги за оказание ему медицинской помощи вне очереди (или по иным причинам);
- сфальсифицировал медицинские документы или результаты медицинского осмотра;
- оказал медицинскую помощь некачественно;
- вел себя неэтично (оскорблял пациента и т. д.);
- виноват в смерти пациента (или в причинении ему вреда, усугублении течения болезни и т. д.).

Существующая судебная практика по ст. 152 ГК РФ свидетельствует о том, что суды обращают также внима-

ние на то, в какой форме данные сведения были изложены ответчиком (корректно ли описаны сведения, есть ли оскорбления, нецензурные выражения и т. д.), были ли объективные причины пациенту писать такие сведения или нет и т. д.

Не могут быть признаны порочащими сведениями те сведения, которые по своему содержанию и смыслу являются личной оценкой ответчика деятельности истца, которая может быть подвергнута критике (следовательно, за распространение такой личной оценки не может быть ответственности ни по ст. 152 ГК РФ, ни по ст. 128.1 УК РФ).

Это связано с тем, что указанные фразы и выражения невозможно проверить на предмет соответствия действительности, поскольку требование доказать достоверность оценочного суждения является невыполнимым и само по себе нарушает свободу выражения мнения, которая является основополагающей частью права, гарантированного ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, соответственно, данные сведения не могут рассматриваться как умаляющие честь и достоинство истца в общественном мнении или мнении отдельных лиц, не дискредитируют истца, не наносят вреда его репутации, не затрагивают моральный статус, доброе имя, а также не влияют на объективную оценку окружающими.

В исследованной авторами настоящей статьи судебной практике не было обнаружено ни одного конкретного примера такого выражения, которое было бы признано судом именно личной оценкой. По нашему мнению, примерами таких выражений (личных оценок) могут быть, например, следующие: врач пренебрежительно смотрел, не старался услышать и понять все мои жалобы, специально сделал укол больно, пугал меня возможными последствиями моей болезни и т. д.

Несоответствие распространённых сведений действительности (их ложность)

Не соответствующими действительности сведениями (как и ложными сведениями) являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения. Не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, а также в других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок (п. 7 Постановления № 3).

Судебная практика свидетельствует о том, что факт несоответствия распространённых сведений действительности может быть доказан с помощью предъявления опровергающих документов (например, ответа на жалобу, содержащую порочащие сведения, в котором обвинительные доводы ответчика не подтвердились, протокола засе-

дания медицинской комиссии, которая также не нашла оснований для признания жалобы пациента обоснованной, постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и т. д.) и показаний свидетелей.

В рамках исследования судебной практики по ст. 152 ГК РФ авторами настоящей статьи не было обнаружено ни одного судебного решения, где ответчиком был бы доказан факт соответствия распространенных сведений действительности (а в тех делах, где иски не удовлетворяли, основания отказов были иные).

Заведомая ложность распространяемых пациентом сведений
Обращаем внимание, что **в рамках ст. 128.1 УК РФ распространяемые сведения должны быть заведомо ложными.** Судами под заведомостью понимается точное знание лица о ложности распространяемых им сведений (виновный должен знать об их явном несоответствии действительности), а, следовательно, и наличие прямого умысла на осуществление клеветы. При добросовестном заблуждении лица относительно распространяемых им сведений нельзя говорить о заведомости.

Кроме того, ложные сведения могут относиться лишь к фактам прошлого или настоящего. Измышления о позорящих фактах, которые могут наступить в будущем, состава клеветы не образуют. Распространяемые при клевете сведения должны в деталях либо в общих чертах характеризовать какой-либо конкретный факт, при этом они могут прямо указывать на событие или содержать косвенную информацию о нем. Заявления общего характера, не содержащие указания на определенный ложный факт (например, выражения «мошенник», «взяточник», «подлец» и др.), не образуют состава клеветы⁸.

Это условие означает на практике, что ответственность для пациента по ст. 128.1 УК РФ возможна только в том случае, если он осознавал общественную опасность своих действий, понимал, что распространяемые им сведения порочат честь и достоинство медицинского работника и подрывают его репутацию, а также наверняка знал, что сведения, которые он распространил, ложные (например, когда пациент утверждал, что врач отказал ему в медицинской помощи, оставил умирать, мучиться от боли т. д., а в действительности такая помощь оказана была). Если же пациент не осознает ложности распространяемых им сведений, добросовестно заблуждается, считая их соответствующими действительности, то состав преступления отсутствует.

В каждом отдельном случае суд выясняет наличие или отсутствие заведомости исходя из конкретных обстоятельств дел, пояснений сторон, свидетелей и т. д.

⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный)...

Административная ответственность за оскорбление

Следует учитывать, что существует еще одна форма ответственности, направленная на защиту чести и достоинства лица, в том числе и медицинского работника. Речь идет об административной ответственности по ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме (примером судебного постановления, в котором к ответственности за оскорбление медицинского работника была привлечена родственница пациента, может послужить Решение Тугуро-Чумиканского районного суда Хабаровского края от 22.06.2016 по делу № 12-8/2016). Однако административная ответственность едва ли способна хоть сколько-то сильно напугать пациента, так как ее наступление влечет наложение административного штрафа в совсем небольшом размере (от 1 тыс. до 5 тыс. руб.).

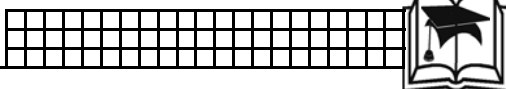
Заключение

Таким образом, на основании произведенного в настоящей статье правового исследования заключаем следующее.

В настоящее время уже существует положительная судебная практика по делам о привлечении пациента (его родственников, законных представителей) к гражданско-правовой ответственности по ст. 152 ГК РФ за распространение недостоверных порочащих сведений как о медицинском работнике, так и о медицинской организации.

Судебные постановления по таким делам свидетельствуют о том, что для медицинского работника (медицинской организации) существует достаточно высокая вероятность того, что иск о защите чести, достоинства и деловой репутации будет удовлетворен, если порочащие сведения были распространены пациентом в сети Интернет или же посредством направления жалоб, писем, обращений и т. д. непосредственно руководству медицинской организации, в который медицинский работник осуществляет трудовую деятельность.

Намного сложнее обстоит ситуация со спорами, в которых недостоверные сведения были распространены путем направления обращений, жалоб и т. д. в государственные или муниципальные органы, поскольку в указанных случаях обязательным условием привлечения пациента к ответственности по ст. 152 ГК РФ будет являться наличие злоупотребления пациентом правом при обращении в государственный или муниципальный орган (а как показала практика, суды в большинстве случаев злоупотребления не находят). При этом следует учитывать, что суды расходятся в позиции относительно того, в каких случаях необходимо устанавливать наличие злоупотребления, а в каких нет (некоторые полагают, что злоупотре-

требление должно быть только в том случае, когда лицо сообщило недостоверные сведения в официальном запросе, обращении и т. д. именно в государственные или муниципальные органы, а иные — что и в тех случаях, когда лицо направляло запрос, например, на имя главного врача государственного или муниципального медицинского учреждения).

Сообщаем, что, если суд удовлетворит иск медицинского работника или медицинской организации и привлечет пациента к ответственности по ст. 152 ГК РФ, пациент будет обязан возместить судебные расходы и понесенные убытки. В случае если истцом являлся медицинский работник, последний может также претендовать на компенсацию пациентом морального вреда (однако в найденных нами судебных решениях суммы таких компенсаций были невелики — максимум 10 тыс. руб.).

Что касается вопроса **о возможности привлечения «недобросовестного» пациента, распространившего ложные, порочащие сведения в отношении врача (или иного медицинского работника) к уголовной ответственности за клевету**, необходимо учитывать следующее. Полагаем, что отсутствие таких уголовных дел (по крайней мере, нам не удалось найти таковых примеров) в отношении пациентов связано с правовой природой преступления «клевета», а также с правовой природой правоотношений между пациентом и врачом и характером сведений, которые, как правило, распространяют пациенты, недовольные врачом, оказанной медицинской помощью и т. д.

Так как было указано выше, субъективная сторона данного преступления предусматривает наличие прямого умысла на его совершение, а прямой умысел предполагает в том числе то, что пациент должен заведомо понимать ложность распространяемых им сведений, а природа распространения «недоброжелательных» ложных сведе-

ний о враче пациентом, как правило, опосредована недовольством последнего от полученной медицинской помощи (когда пациент, например, сообщает, что медицинская помощь ему была оказана некачественно, что назначались дополнительные анализы, чтобы «выманить деньги» и т. д.) и оказывается заблуждением пациента, поскольку тот считает, что был прав (т. е. нет прямого умысла на клевету, заведомости).

Кроме того, по делам о клевете (как и по гражданским делам о защите чести, достоинства и деловой репутации) не могут быть признаны порочащими сведениями те сведения, которые по своему содержанию и смыслу являются личной оценкой лица относительно деятельности другого лица, которая может быть подвергнута критике. Таким образом, за распространение такой личной оценки не может быть ответственности по ст. 128.1 УК РФ, поскольку указанные фразы и выражения невозможно проверить на предмет соответствия действительности.

Также следует учитывать, что если пациент оклеветал врача посредством указания ложных, порочащих сведений в официальном обращении, жалобе и т. д. в государственный или муниципальный орган, ответственность за клевету (как и гражданско-правовая ответственность по ст. 152 ГК) возможна только в том случае, если имело место злоупотребление правом.

При этом полагаем, что, несмотря на отсутствие в настоящее время такой судебной практики, уголовное дело о клевете в отношении «недоброжелательного» пациента все-таки может быть возбуждено (и теоретически такой пациент может быть осужден за клевету), если его действия по распространению порочащих врача (или иного медицинского работника) сведений содержат все указанные выше элементы состава преступления, предусмотренного ст. 128.1 УК РФ.

Литература

1. Инструкция для врачей: что делать, если вас оскорбляет пациент [Электронный ресурс] // URL: <http://doctorpiter.ru/articles/9533/> (дата обращения: 16.05.2017).
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др. ; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.
3. Клевета: понятие и признаки [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kleveta.net/> (дата обращения: 16.05.2017).
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др. ; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2013. 912 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головенков и др. ; под ред. А.И. Чучаева. Испр., доп., перераб. М. : КОНТРАКТ, 2013. 606 с.
6. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда / А.М. Эрделевский. Российская юстиция 1996. № 7. С. 20–23.

DOI : 10.18572/1813-1190-2017-6-38-43

Налоговая выгода: этапы развития концепции и проблемы оценки ее обоснованности

Назаренко Б.А.*

Цель. Удельный вес налоговых споров, предметом которых является доначисление сумм налоговых платежей в связи с получением налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, в настоящее время продолжает сохраняться. Одной из причин этого положения является отсутствие в Налоговом кодексе Российской Федерации норм, которые бы предусматривали возможность оценки налоговой выгоды, полученной налогоплательщиком, в качестве обоснованной или необоснованной. В этой связи представляется актуальным анализ развития теоретических представлений о налоговой выгоде и практики применения судебными и налоговыми органами таких доктрин, как «существо над формой», «деловая цель», а также категории «недобросовестный налогоплательщик» с целью выработки научно-обоснованных предложений по включению в российское законодательство о налогах и сборах критериев оценки налоговой выгоды в качестве обоснованной или необоснованной. **Методология:** анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения. **Выводы.** Автор на основе анализа этапов развития концепции налоговой выгоды, а также положений принятого Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении законопроекта № 529775-6 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» приходит к выводу о том, что сохранение баланса частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях в части рассмотрения налоговых споров в связи с оценкой налоговой выгоды в качестве обоснованной или необоснованной требует глубокого изучения как отечественной, так и зарубежной практики применения критериев (доктрин), позволяющих отграничить допустимую налоговую оптимизацию от уклонения (избежания) от уплаты налогов. Кроме того, обстоятельной критике подвергнуты положения указанного законопроекта и сделан вывод, что он не учитывает позиции Конституционного Суда Российской Федерации и положительную практику арбитражных судов по рассмотрению налоговых споров. **Научная и практическая значимость.** В статью предпринята попытка комплексного осмысления теоретических представлений о налоговой выгоде с учетом практики применения критериев ее оценки в качестве обоснованной или необоснованной. Практическое значение выводов, сделанных в работе, состоит в том, что они могут быть использованы в процессе кодификации концепции налоговой выгоды, а замечания автора учтены при проектировании законопроекта, содержащего положения об оценке налоговой выгоды.

Ключевые слова: необоснованная налоговая выгода, «деловая цель», «существо над формой», «должная осмотрительность», налоговая оптимизация, кодификация концепции налоговой выгоды, недобросовестный налогоплательщик, злоупотребление правом в налоговых отношениях.

Tax Benefit: Concept Development Stages and Its Substantiation Evaluation Issues

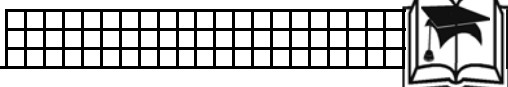
Nazarenko B.A.*

Purpose. The proportion of tax disputes involving the assessed amounts of tax payments in connection with the obtaining by the taxpayer an unjustified tax benefit, at the present time continues to remain. One reason for this situation is the absence in the Tax code of the Russian Federation of the norms that would provide the possibility of estimating the tax benefit received by the taxpayer as reasonable or unreasonable. In this regard, it is important to analyze the development of theoretical ideas about tax benefits and practice of judicial and tax authorities of the doctrines of “substance over form”, “business purpose” and category “bad faith taxpayer” with the aim of developing evidence-based proposals for inclusion in the Russian legislation on taxes and duties evaluation criteria tax benefit as justified or unjustified. **Methods:** analysis, synthesis, deduction, formal legal method, method of comparative law. **Results.** The author, based on the analysis of the stages of development of the concept of tax benefit, as well as provisions adopted by the State Duma of the Russian Federation in the first reading of bill No. 529775-6 “On amendments to parts one and two of the Tax code of the Russian Federation”, comes to the conclusion that the balance of private and public interests in tax legal relations in the part of the tax dispute in connection with the assessment of the tax benefit as justified or unjustified, requires in-depth study of both domestic and foreign practice of application of criteria (doctrines), allow to distinguish acceptable tax avoidance from (avoid) paying taxes. In addition, a thorough critique subjected to the provisions of the bill and concluded that it does not take into account the position of the constitutional Court of the Russian Federation positive practice of arbitration courts on tax disputes. **Scientific and practical significance.** The article attempts a comprehensive understanding of theoretical ideas about the tax benefit, taking into account the practice of application of the evaluation criteria as reasonable or unreasonable. The practical significance of the findings of the work, is that they can be used in the process of codification of the concept of tax benefit, and the author’s comments taken into account in the design of the bill containing provisions on the assessment of the tax benefits.

Key words: unjustified tax benefit, “business purpose”, “substance over form”, “due diligence”, tax optimization, codification of the concept of tax benefit, taxpayer is unfair, abuse of right in tax relations.

* **НАЗАРЕНКО БОГДАН АНАТОЛЬЕВИЧ**, старший научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП), кандидат юридических наук, b-nazarenko@yandex.ru

** **NAZARENKO BOGDAN A.**, Senior Research Scientist of the Department of Financial, Tax and Budget Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (ILCL), Candidate of Legal Sciences.

Этапы развития концепции налоговой выгоды в России условны. Отправная точка в деле противодействия неисполнению налогоплательщиками конституционной обязанности по уплате законно установленных налогов и сборов — введение Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ) в сферу применения законодательства о налогах и сборах категории «недобросовестный налогоплательщик». Так, КС РФ в Определении от 25 июля 2001 г. № 138-О, которое было принято в целях разъяснения Постановления КС РФ от 12 октября 1998 г. по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации», указал, что «добросовестность налогоплательщика, а также банков обязаны определять налоговые органы и другие органы государства, осуществляющие контроль за исполнением налоговых обязательств в установленном порядке, и в случаях выявления их недобросовестности обеспечивать охрану интересов государства, в том числе с использованием механизмов судебной защиты».

В связи с отсутствием законодательного определения понятий «недобросовестный налогоплательщик», «злоупотребление правом в налоговых отношениях»¹, а также критериев (пределов) допустимой налоговой оптимизации использование в практике судебных и налоговых органов категории «недобросовестный налогоплательщик» привело к таким негативным последствиям, как возрастание неопределенности норм налогового права и рисков толкования налогово-правовых норм не в пользу налогоплательщика, возникновение условий для злоупотреблений со стороны сотрудников налоговых органов².

Категория «добрая совесть», используемая при рассмотрении налоговых споров, заимствована из гражданского права и «означает, — как справедливо пишет К.И. Скловский, — осмотрительность, разумную осторожность, уважительное отношение к праву и контрагенту, исправное выполнение своих обязанностей и пр. В этом смысле она может быть отождествлена с каждым из этих качеств или с их комбинацией»³. Вместе с тем, учитывая неопределенность (законодательную и, по сути, доктринальную) рассматриваемого понятия, следует отметить,

что «формирование критериев добросовестности зависит от складывающейся судебно-арбитражной практики, а также от конкретного состава суда, индивидуального правосознания каждого судьи в отдельности, поскольку при разрешении подобной категории дел приходится оперировать субъективными оценочными понятиями»⁴.

Очевидно, что практика использования понятия «недобросовестный налогоплательщик» не имела ожидаемого эффекта. Председатель КС РФ В.Д. Зорькин в интервью одной из российских правовых газет отметил: «Конституционный Суд сделал все, чтобы исключить возможность универсального (неадекватного) использования понятий „добросовестный — недобросовестный налогоплательщик“, т. е. такого использования, при котором налоговый орган, избегая осуществления сложной системы мер, начисляет и взыскивает в бесспорном порядке налоги с налогоплательщиков, которые кажутся ему недобросовестными. Однако, и к великому нашему сожалению, именно подобный подход получил распространение в правоприменительной практике»⁵.

В 2006 г. Пленум ВАС РФ принял Постановление от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (далее — Постановление Пленума ВАС РФ № 53), в котором определил понятие «налоговая выгода» (п. 1), условия (критерии), при которых налоговая выгода не может быть признана обоснованной (п. 3 и 4), а также указал на дополнительные обстоятельства, которые должны быть подтверждены соответствующими доказательствами налогового органа, свидетельствующими о получении необоснованной налоговой выгоды (п. 5). Кроме того, в п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ № 53 закреплена презумпция добросовестности налогоплательщиков, а в п. 10 устанавливалось, что факт нарушения контрагентом налогоплательщика своих налоговых обязанностей сам по себе не является доказательством получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды. Кроме того, в п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ № 53 устанавливалось, что «налоговая выгода может быть признана необоснованной, если налоговым органом будет доказано, что налогоплательщик действовал без должной осмотрительности и осторожности и ему должно было быть известно о нарушениях, допущенных контрагентом, в частности, в силу отношений взаимозависимости или аффилированности налогоплательщика с контрагентом».

Пленум ВАС РФ в рассматриваемом Постановлении, по сути, легализовал общесудебные доктрины: «существо над формой», «деловая цель», «должная осмотрительность», и определил критерии, по которым возможно оценить деятельность налогоплательщика на предмет обо-

¹ О взаимосвязи понятий «недобросовестный налогоплательщик» и «злоупотребление правом в налоговых отношениях» пишет А.А. Рябов. Он отмечает, что с точки зрения налогового права недобросовестность — это деятельность, направленная на получение необоснованной налоговой выгоды, а для гражданского права — «внутренняя содержательная оценка» такой деятельности «с позиции качества осуществления субъективного гражданского права — злоупотребление гражданским правом» (см.: Рябов А.А. Злоупотребление гражданским правом: его значение для налоговых отношений и место в системе межотраслевого взаимодействия // Финансовое право. 2012. № 6. С. 27).

² Савсерис С.В. Категория «недобросовестность» в налоговом праве. М.: Статут, 2007. С. 52.

³ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2008. 922 с.

⁴ Костин А.А. Критерии недобросовестности налогоплательщика // Аудиторские ведомости. 2002. № 8. С. 54–49.

⁵ На вершине судебной власти // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41. СПС «КонсультантПлюс».

снованности (необоснованности) получения налоговой выгоды. Вместе с тем, как отмечает К.А. Сасов, Постановление Пленума ВАС РФ № 53 содержит общеобязательные правила поведения, вводит критерии подозрительного поведения налогоплательщика, не предусмотренные НК РФ, а также устанавливает юридические санкции⁶ в случае их обнаружения в конкретном деле. Кроме того, фискальнообязанные лица в целях соблюдения требований, установленных рассматриваемым Постановлением Пленума ВАС РФ, вынуждены «документировать объяснения своей деятельности и собирать информацию о налоговой благонадежности своих контрагентов», что приводит к дополнительным расходам для хозяйствующих субъектов, а необходимость вести бизнес в рамках критериев, содержащихся в Постановлении Пленума ВАС РФ № 53, и которые позволяют оценить налоговую выгоду в качестве обоснованной (необоснованной), не согласуется с рисковым характером предпринимательской деятельности⁷.

С момента принятия Постановления Пленума ВАС РФ № 53 и в период до 2011 г. арбитражные суды осуществляли «политику взвешенного применения такого остро-го инструмента, как необоснованная налоговая выгода»⁸. Так, например, показательно в этом отношении Постановление Президиума ВАС РФ от 10 февраля 2009 г. № 8337/08, в котором суд поддержал позицию налогоплательщика и в его действиях не обнаружил признаков необоснованной налоговой выгоды. Как справедливо отмечает Д.М. Щекин, комментируя указанное постановление Президиума ВАС РФ, «в делах о необоснованной налоговой выгоде нужно не только установить ее внешние проявления, но и показать связь этих обстоятельств с одним из оснований ее возникновения»⁹. Основаниями возникновения необоснованной налоговой выгоды могут выступать те действия фискальнообязанного лица, подтвержденные собранными доказательствами в их совокупности и взаимосвязи, которые свидетельствуют об отсутствии деловой цели, учете операций в противоречии с их действительным экономическим смыслом, совершении фиктивных операций и нарушении осмотрительности при выборе контрагента.

Однако, несмотря на относительную абстрактность критериев, закрепленных в Постановлении Пленума ВАС РФ № 53 и позволяющих оценить полученную налогопла-

тельщиком налоговую выгоду в качестве обоснованной (необоснованной), следует также отметить, что налоговые органы и арбитражные суды обязаны руководствоваться правовой позицией КС РФ, согласно которой «в случаях, когда суды при рассмотрении дела не исследуют по существу фактические обстоятельства, ограничиваясь только установлением формальных условий применения нормы, право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, оказывается существенно ущемленным. Данная правовая позиция имеет общий характер и касается любых правоприменителей, включая налоговые органы» (Постановление КС РФ от 14 июля 2003 г. № 12-П). Следовательно, именно ясные и понятные фискальнообязанным лицам и государственным органам критерии налоговой выгоды, позволяющие ее оценить на предмет обоснованности или необоснованности вкупе с объективной оценкой всех имеющих значение для дела фактических обстоятельств, а также неукоснительное соблюдение презумпции добросовестности налогоплательщика, — условие для соблюдения баланса частных и публичных интересов в сфере налогообложения.

Вместе с тем следует отметить, что не всегда критерии необоснованности получения налоговой выгоды, признаки, характеризующие действия налогоплательщика как недобросовестного и направленные на злоупотребление правом в сфере налогообложения, вырабатываются судебной практикой. Так, например, «в немецком праве около 100 лет действует норма-принцип, устанавливающая пределы налоговой оптимизации»¹⁰. В этой связи встает вопрос о возможности кодификации концепции налоговой выгоды в России.

В апреле 2015 г. в Государственную Думу Российской Федерации внесен и принят в первом чтении законопроект № 529775-6 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации»¹¹ (далее — законопроект), который направлен, как отмечается в пояснительной записке к нему, на борьбу с «агрессивными» механизмами налоговой оптимизации через решение проблемы использования налогоплательщиками формально правомерных действий, основной целью которых является неисполнение (неполное исполнение) обязанности по уплате налогов или получение права на возмещение (возврат, зачет) налоговых платежей. Однако содержание законопроекта свидетельствует о слабой проработке его положений (в том числе с точки зрения правил и принципов юридической техники¹²), призванных

⁶ Автор комментируемой работы под юридическими санкциями, очевидно, подразумевает негативные для налогоплательщика последствия в виде лишения принадлежащей ему части собственности, которая квалифицируется налоговым органом, а в дальнейшем и подтверждается судебным решением как полученная необоснованная налоговая выгода.

⁷ Сасов К.А. Корпоративному юристу о налоговых спорах / под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Альпина Паблишерз, 2010. С. 292, 298.

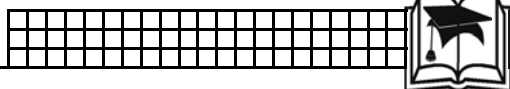
⁸ Щекин Д.М. О кризисе правосудия по налоговым спорам // Закон. 2016. № 10. С. 33.

⁹ Щекин Д.М. О корректном применении в судебной практике критерия «необоснованная налоговая выгода» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 7. С. 116.

¹⁰ См. подр.: Лесова А.М., Безбородов Н.Ю. Злоупотребление правом в налоговой сфере: опыт Германии // Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2005 года. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 198–218.

¹¹ URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=529775-6>

¹² «Юридическая техника — совокупность методов, принципов, средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации нормативно-правовых актов для обеспечения их совершенствования. Важнейшая ее разновидность — законодательная (правотворческая), в

противодействовать противоправным проявлениям налоговой оптимизации. В этой связи в отношении законопроекта можно высказать ряд замечаний технико-юридического и концептуального характера.

1. Статьей 1 законопроекта предлагается внести изменения в ст. 54 НК РФ и предусмотреть, что «при определении налоговой базы и исчислении сумм налогов, а также при реализации налогоплательщиком права на зачет (возврат) сумм налога, в том числе излишне уплаченного, *не учитываются в целях налогообложения подлежащие отражению в бухгалтерском учете (выделено мной. — Б.Н.)* или в книге учета доходов и расходов факты хозяйственной жизни (совокупность таких фактов), *основной целью которых является неуплата или неполная уплата и (или) зачет (возврат) сумм налога»* (выделено мной. — Б.Н.).

Как известно, с целью избежания налогообложения налогоплательщики активно используют гражданско-правовой инструментариум — заключают мнимые и притворные сделки, исполнение которых в том числе для целей налогообложения оформляют первичными учетными документами. Однако в соответствии с ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (далее — Федеральный закон № 402-ФЗ) не допускается принятие к бухгалтерскому учету документов, которыми оформляются не имевшие места факты хозяйственной жизни, в том числе лежащие в основе мнимых и притворных сделок. В то же время процитированной ст. 1 законопроекта наоборот допускается отражение в бухгалтерском учете подобного рода фактов хозяйственной жизни, на которые запрещается учитывать в целях налогообложения.

Следует также отметить, что Федеральный закон № 402-ФЗ был принят «в русле осуществляемого процесса перехода России на Международные стандарты финансовой отчетности...»¹³, одним из требований которых является отражение хозяйственных операций в бухгалтерской отчетности только исходя из их действительного экономического содержания. В этой связи инициатива авторов законопроекта по исключению в целях налогообложения последствий мнимых сделок через использование терминологии законодательства Российской Федерации о бухгалтерском учете не согласуется с ранее избранным подходом законодателя (в том числе по причине перехода России на Международные стандарты финансовой отчетности).

Кроме того, по логике авторов законопроекта, в случае выявления налоговым органом такого обстоятельства, как отражение в бухгалтерском учете фактов хозяйственной жизни, основной целью которых является неполная уплата сумм налога (что потенциально возможно при заключении налогоплательщиком притворных сделок), то в целях налогообложения такие факты не учитываются. Вместе с тем на-

логовому органу необходимо определить действительный экономический смысл операции (п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ № 53), в том числе посредством юридической переквалификации сделки (определить вид сделки (договора) в соответствии с гражданским законодательством на основании ее существенных условий и последствий исполнения) (подп. 3 п. 2 ст. 45 НК РФ), а не полностью отказываться от учета в целях налогообложения фактов хозяйственной жизни, которые оформлены притворной сделки, как это предусмотрено законопроектом.

2. В тексте законопроекта не указано, в рамках каких мероприятий налогового контроля будет предусматриваться реализация положений, им предусмотренных. Очевидно, это возможно при проведении выездной и камеральной налоговых проверок, так как перечень допустимых мероприятий налогового контроля (форм налогового контроля, посредством которых возможно доказывание обстоятельств получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды) предопределяется видом налоговых проверок. Более того, как справедливо отмечает А.А. Колина, «права в сфере налогового контроля, установленные в ст. 21 НК РФ, находят свою реализацию через нормы Налогового кодекса РФ, регулирующие процесс осуществления конкретных форм и мероприятий налогового контроля. Перечень этих прав не ограничивается только ст. 21 НК РФ»¹⁴. Следовательно, закрепление в законопроекте положений о формах налогового контроля, в рамках которых возможна оценка налоговыми органами обстоятельств, связанных с отражением налогоплательщиком фактов хозяйственной жизни на предмет их обоснованности в целях налогообложения, будет также содействовать реализации прав и гарантий фискальнообязанных лиц, предусмотренных НК РФ.

3. Законопроект не создает условий для оценки действий налогоплательщика при так называемом дроблении бизнеса (так как, например, проверяемый налогоплательщик, как правило, не заключает никаких сделок с иными субъектами предпринимательской деятельности (и, как следствие, не отражает факты хозяйственной жизни в регистрах бухгалтерского учета), полученный доход которых вменяется проверяемому лицу). При оценке действий (деятельности) налогоплательщика на предмет получения им обоснованной налоговой выгоды при применении, например специального режима налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности (далее — ЕНВД, единый налог), должны проверяться в первую очередь следующие обстоятельства: «самостоятельность ведения бизнеса каждым участником хозяйственного оборота»¹⁵; отсутствие признаков единого производственного процесса в функционировании

частности, кодификационная техника» (см.: Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника : учебник. М. : Юстицинформ, 2014 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹³ Смолина О.С. Арбитражный процесс: доказывание и доказательства по делам об оспаривании результатов налоговых проверок : монография. М. : НОРМА, 2015 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁴ Колина А.А. Права налогоплательщика в сфере налогового контроля // *Налоги*. 2016. № 22. С. 18.

¹⁵ Под каждым участником хозяйственного оборота понимается проверяемый налогоплательщик, а также иные организации (индивидуальные предприниматели), полученный доход которых вменяется проверяемому налогоплательщику и не позволяет ему, по мнению

всех лиц; фактическое и формальное соблюдение требований, установленных законодательством о налогах и сборах к виду деятельности, облагаемой единым налогом»¹⁶. Вместе с тем специалистами-практиками отмечается, что арбитражные суды тем не менее при оценке обоснованности получения налоговой выгоды фискальнообязанными лицами при применении ими специальных налоговых режимов учитывают в действиях проверяемого участника налоговых правоотношений и его взаимозависимых лиц наличие деловой цели (применяют доктрину «деловой цели»). В частности, о наличии деловой цели могут свидетельствовать, например, такие обстоятельства, как «расширение рынка сбыта за счет покупателей, заинтересованных в наличии / отсутствии в цене НДС», «оптимизация бизнес-процессов, минимизация предпринимательских рисков», «необходимость регулирования численности работников», «развитие торговой сети, дальнейшая специализация каждого из созданных предприятий»¹⁷. Однако анализируемый законопроект не содержит в себе положений, ориентирующих правоприменителей на применение доктрины «деловой цели».

4. Пунктом 2 ст. 1 законопроекта предусмотрено, что «не признаются документально подтвержденными затраты, в подтверждение которых представлены следующие документы: документы, подписанные неуполномоченным или неустановленным лицом; документы, подписанные от имени лица, не осуществлявшего реализацию товаров (выполнение работ, оказание услуг), передачу имущественных прав, за исключением случаев, когда исполнение этих обязательств в соответствии с законодательством Российской Федерации или с условиями договора может быть возложено на третье лицо, либо в случаях исполнения этого обязательства на основе договора комиссии, агентского договора (предусматривающего исполнение от имени агента)». В этой связи возникает закономерный вопрос: означает ли (в случае внесения изменений, предложенных законопроектом, в НК РФ), что налоговые органы и арбитражные суды не будут более обязаны исследовать существо фактических взаимоотношений проверяемого налогоплательщика и спорных контрагентов и, следовательно, анализировать деловую цель сделки, ее действительный экономический смысл (в случае подписания документов неустановленными или неуполномоченными лицами) и, что не менее важно, оценивать проявление фискальнообязанным лицом должной осмотрительности и необходимой осторожности (при установлении обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии фактов

реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг), передачи имущественных прав со стороны контрагента)?

Какова будет судьба Постановления Пленума ВАС РФ № 53, в котором закреплены критерии получения необоснованной налоговой выгоды, а также ряда решений КС РФ, в которых говорится о том, что правоприменительные органы должны исследовать фактические обстоятельства и не ограничиваться только установлением формальных условий применения юридической нормы?¹⁸ Ведь, по логике авторов законопроекта, достаточно одного из условий — подписание документов неустановленным или неуполномоченным лицом или подписание документов от имени лица, не осуществлявшего реализацию товаров (выполнение работ, оказание услуг), передачу имущественных прав, — чтобы отказать налогоплательщику в признании, например, расходов по налогу на прибыль. Однако, как установлено в п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ № 53, «факт нарушения контрагентом налогоплательщика своих налоговых обязанностей сам по себе не является доказательством получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды (выделено мной. — **Б.Н.**). Налоговая выгода может быть признана необоснованной, если налоговым органом будет доказано, что налогоплательщик действовал без должной осмотрительности и осторожности и ему должно было быть известно о нарушениях, допущенных контрагентом, в частности, в силу отношений взаимозависимости или аффилированности налогоплательщика с контрагентом».

Анализ этапов развития концепции налоговой выгоды позволяет сделать вывод о том, что в случае ее кодификации законодателю следует учесть как отечественную, так и зарубежную практику применения критериев (доктрин), позволяющих отграничить допустимую налоговую оптимизацию от уклонения (избежания) налогов. Судебная практика в сфере налогообложения и налоговое законодательство зарубежных стран требуют, как представляется, пристального изучения в целях возможности научно обоснованного заимствования эффективных инструментов¹⁹ (позволяющих соблюсти баланс частных и публичных интересов) противодействия неисполнению налогоплательщиками конституционной обязанности уплачивать законно установленные налоги и сборы.

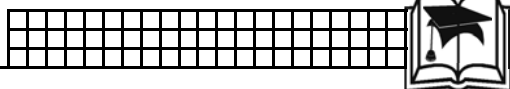
налогового органа, в силу законодательных ограничений применять специальный режим налогообложения в виде ЕНВД.

¹⁶ Назаренко Б.А. Обоснованность получения налоговой выгоды при применении режима налогообложения в виде ЕНВД: критерии оценки // Адвокат. 2016. № 11. С. 33.

¹⁷ Никитин А.Ю. Дробить можно, но только осторожно // Главная книга. 2016. № 21. С. 40–46.

¹⁸ См., напр.: Постановление КС РФ от 14 июля 2003 г. № 12-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Эффективные инструменты — это судебные доктрины («содержание над формой», «притворных сделок», «деловая цель», «сделки по шагам», «переуступки дохода» и др. (см., напр.: Тарибо Е.В. Проблема ухода от налогов: зарубежный опыт и практика Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы финансового права Республики Беларусь, России, Украины / отв. ред. Д.В. Виноцкий. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 266, 267)), а также положения законодательных актов, которыми легализованы (и дополнены) эти доктрины (см., напр.: Ларо Д. Кодифицированная доктрина экономической сущности: первые результаты применения // Налоговед. 2011. № 12. С. 62–71).

Литература

1. На вершине судебной власти // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41 // <http://base.garant.ru/5308504/>
2. Костин А.А. Критерии недобросовестности налогоплательщика / А.А. Костин // Аудиторские ведомости. 2002. № 8. С. 54–49.
3. Копина А.А. Права налогоплательщика в сфере налогового контроля / А.А. Копина // Налоги. 2016. № 22. С. 21–23.
4. Краснов Ю.К. Юридическая техника : учебник / Ю.К. Краснов, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла. М. : Юстицинформ, 2014. 536 с.
5. Ларо Д. Кодифицированная доктрина экономической сущности: первые результаты применения / Д. Ларо // Налоговед. 2011. № 12. С. 62–71.
6. Лесова А.М. Злоупотребление правом в налоговой сфере: опыт Германии / А.М. Лесова, Н.Ю. Безбородов // Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2005 года. М. : Волтерс Клувер, 2007. 384 с.
7. Назаренко Б.А. Обоснованность получения налоговой льготы при применении режима налогообложения в виде ЕНВД: критерии оценки / Б.А. Назаренко // Адвокат. 2016. № 11. С. 30–34.
8. Никитин А.Ю. Дробить можно, но только осторожно / А.Ю. Никитин // Главная книга. 2016. № 21. URL: <http://dev2.glavnayakniga.ru/elver/2015/20/2078-gotovim-pojasnenija-ifns-snizhenii-nalogovoj-nagruzki-visokoj-dole-nds-vichetov.html>
9. Рябов А.А. Злоупотребление гражданским правом: его значение для налоговых отношений и место в системе межотраслевого взаимодействия / А.А. Рябов // Финансовое право. 2012. № 6. С. 24–27.
10. Савсерис С.В. Категория «недобросовестность» в налоговом праве / С.В. Савсерис. М. : Статут, 2007. 191 с.
11. Смолина О.С. Арбитражный процесс: доказывание и доказательства по делам об оспаривании результатов налоговых проверок : монография / О.С. Смолина. М. : НОРМА, 2015. 176 с.
12. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2008. 922 с.
13. Сасов К.А. Корпоративному юристу о налоговых спорах / К.А. Сасов ; под ред. С.Г. Пепеляева. М. : Альпина Паблишерз, 2010. С. 181–186.
14. Тарибо Е.В. Проблема ухода от налогов: зарубежный опыт и практика Конституционного Суда Российской Федерации / Е.В. Тарибо // Актуальные проблемы финансового права Республики Беларусь, России, Украины ; отв. ред. Д.В. Виницкий. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 266–273.
15. Щекин Д.М. О кризисе правосудия по налоговым спорам / Д.М. Щекин // Закон. 2016. № 10. С. 28–34.
16. Щекин Д.М. О корректном применении в судебной практике критерия «необоснованная налоговая льгота» / Д.М. Щекин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 7. С. 114–123.

DOI : 10.18572/1813-1190-2017-6-44-47

Механизмы выявления связи вердикта присяжных с информацией, представленной в ходе судебного разбирательства

Стрелкова Ю.В.*

Цель. Анализ специфики применения категории «обоснованность» к вердикту присяжных заседателей и особенностей связи доказательственной базы, изученной в ходе рассмотрения дела, с вердиктом, а также ее влияния на законность вердикта. **Методология:** диалектика, системный метод, метод анализа, формально-юридический метод. **Выводы.** 1) Связь между информацией, представленной присяжным, и содержанием вердикта устанавливается при помощи системы косвенных презумпций: презумпции обоснованности вердикта всеми сведениями, полученными в ходе судебного разбирательства; влияния «запрещенной» информации на законность вердикта; полного устранения озвученной «запрещенной» информации из перечня сведений, составляющих основу вердикта, посредством инструкций судьи; 2) данные презумпции действуют системно, определяя содержание категории «обоснованность» применительно к вердикту: вердикт презюмируется обоснованным решением, в основе которого лежат все сведения, изученные в ходе процесса с участием присяжных, кроме тех, которые не должны быть положены в основу вердикта по указанию судьи; 3) усиление объективности вердикта возможно посредством совершенствования механизмов, препятствующих получению «запрещенной информации» при обеспечении получения максимально широкого перечня сведений, значимых для оценки доказательств и разрешения вопроса о виновности. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование может быть полезно ученым, студентам, аспирантам и практическим работникам.

Ключевые слова: суд присяжных, вердикт, обоснованность, презумпция, напутственное слово.

Mechanism for Revelation of Connection between Jury Verdict and Information Presented in Course of Court Proceedings

Strelkova Yu. V.**

Purpose. Analysis of the specifics of applicability of category "validity" to the verdict and the features of connection between the evidential material, examined in hearings and verdict, as well as its influence on the legality of verdict. **Methods:** dialectics, systematic approach, method of analysis, technical method. **Results.** 1) The connection between the information submitted to the jury and the content of the verdict is established by a system of indirect presumptions: the presumption of the verdict's validity by all the information obtained during the trial; Influence of "forbidden" information on the legality of the verdict; Complete elimination of the presented "forbidden" information from the list of information constituting the basis of the verdict through the instructions of the judge; 2) these presumptions act systematically, determining the content of the validity category in relation to the verdict: the verdict is presumed a valid decision based on the all information examined in the process while the jury was presented, except for those that should not be put in the basis for the verdict according to the instructions of a judge; 3) to strengthen the objectivity of the verdict is possible by improving the mechanisms that prevent the receipt of "prohibited information" while representing the widest possible list of information relevant to assessing evidence and resolving the issue of guilt. The research may be useful for scientists, students, postgraduate students and practitioners.

Key words: jury trial, verdict, validity, presumption, summing-up.

Составление мотивированного приговора как результата рассмотрения уголовного дела можно считать одной из наиболее эффективных гарантий защиты лица от произвольного осуждения. Европейский суд по правам человека рассматривает право на мотивированное судебное решение в качестве одного из основополагающих прав, включенных в общее право на справедливое судебное разбирательство¹. Российский уголовно-процессуальный

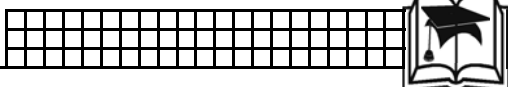
кодекс содержит как общие требования, предъявляемые к приговору суда, так и более конкретизированные положения, касающиеся содержания описательно-мотивировочной части обвинительного приговора. Эти требования были значительно детализированы Пленумом Верховного Суда РФ, в соответствии с позицией которого обвинительный приговор «должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены»².

¹ Постановление Европейского суда по правам человека по делу Хадьянастасиу против Греции (Hadjianastassiou v. Greece) от 16 декабря 1992 года, п. 33 URL: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/xadianastasiu-protiv-grecii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».

* **СТРЕЛКОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА**, аспирант кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), juliasstrelkova5@gmail.ru

** **STRELKOVA YULIA V.**, Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Связь между доказательственной базой и существом вынесенного решения при рассмотрении уголовного дела в ординарной процедуре раскрывается в описательно-мотивировочной части приговора и предполагает возможность проверки вышестоящими судебными инстанциями. Однако совершенно иная ситуация характерна для приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных заседателей, который в своей классической форме не содержит письменного анализа доказательств и приведения каких-либо аргументов в отношении их оценки. Отсутствие прямой оценки доказательств в тексте судебного акта приводит к необходимости выявления связи между решением и исследованной доказательственной базой иными, специфическими методами. Поскольку установление влияния конкретного доказательства на содержание ответов присяжных напрямую оказывается невозможным ввиду правила о тайне совещания и особенностей формы вердикта, связь между информацией, полученной в ходе разбирательства, и вердиктом **устанавливается с помощью системы презумпций.**

Правовые презумпции представляют собой известный со времен римского права прием юридической техники, применяемый для упорядочивания процесса доказывания. Ю.А. Сериков определяет правовую презумпцию как закрепленный в норме права вероятностный вывод о факте, который принимается судом без процедуры доказывания в случае установления связанного с ним факта (факта-основания) и неопровержения путем доказывания иного факта³. Использование презумпций при рассмотрении влияния определенных сведений на вердикт оказывается неизбежным, так как причинно-следственная связь между сведениями, представленными присяжным, и их решением не может быть установлена иным методом.

Первой из презумпций, определяющих связь доказательственной базы с вердиктом, является презумпция обоснованности вердикта всеми сведениями, полученными в ходе судебного разбирательства до удаления присяжных в совещательную комнату. Сама идея обоснованности вердикта поддерживается рядом ученых⁴, в том числе и по той причине, что, ставя под сомнение обвинительный вердикт и вынося решение о роспуске коллегии или о вынесении оправдательного приговора, председательствующий судья руководствуется именно категорией обоснованности⁵. Вместе с этим необходимо отметить, что в основу вердикта входят не только доказательства, но

и любая иная информация, озвученная перед коллегией присяжных сторонами (например, высказывания защитника, которые сами по себе не могут быть отнесены к какому-либо виду доказательств); по этой причине мы полагаем, что вердикт обоснован именно сведениями, представленными присяжным, независимо от отнесения их к перечню доказательств. Рассматриваемую презумпцию можно считать косвенной, так как текстуально она не закреплена в правовой норме и выявляется посредством изучения судебной практики⁶.

Основаниями для отмены приговора, вынесенного в суде присяжных, с возвращением уголовного дела на новое судебное разбирательство с участием новой коллегии являются существенное нарушение уголовно-процессуального закона и вынесение приговора на основании противоречивого вердикта (ст. 389.27 УПК РФ). Существенное нарушение уголовно-процессуального закона, допущенное на этапах процесса, производимых с участием коллегии присяжных (до провозглашения вердикта), неизбежно вызывает аннулирование вердикта, при этом УПК РФ устанавливает особые ограничения к характеру информации и содержанию доказательств, исследуемых в присутствии присяжных⁷. Исходя из этих положений, любое предоставление коллегии присяжных информации, запрещенной УПК, автоматически влечет незаконность вынесенного ими решения, что обосновывает существование рассмотренной презумпции и также создает основу для возникновения второй презумпции: предоставление любой запрещенной информации влияет на содержание вердикта и его законность.

В данном случае фактом-основанием возникновения презумпции незаконности вердикта выступает факт предоставления информации, запрещенной законом. УПК РФ содержит ряд норм, которые указывают на то, какая именно информация считается незаконной, раскрывая, таким образом, содержание факта-основания: «процессуальная» информация (ч. 6, 7 ст. 335, ч. 2, 3 ст. 336, ст. 334 УПК РФ), о личности подсудимого и не связанная с обвинением (ч. 8 ст. 335 УПК РФ); иная информация, способная вызвать предубеждение в отношении подсудимого (ч. 8 ст. 335). Эти положения, носящие в целом оценочный характер, конкретизируются в судебной практике. Сложившаяся и устоявшаяся в данном вопросе практика Верховного Суда РФ позволяет выявить конкретные виды информации, не подлежащей изучению в присутствии присяжных. Так, типичным примером можно считать запрет на исследование фотографий поврежденных трупов (так называемые шокирующие доказательства), информации

³ Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / науч. ред. В.В. Ярков. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 25.

⁴ См., напр.: Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография. М. : Проспект, 2009. С. 145 ; Владыкина Т.А. Методологические основания производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 218–219.

⁵ Камнев А.С. Законность и обоснованность вердикта присяжных заседателей // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1–2. С. 84.

⁶ Сериков Ю.А. Указ. соч. С. 32.

⁷ Насонов С.А. Права и обязанности присяжных заседателей в судебном разбирательстве по уголовному делу: история и современность // Юридическая наука и практика: история и современность : материалы I Международной научно-практической конференции : сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Пантюхина. Рязань: ООО Издательство «Концепция», 2013. С. 209–213.

о подсудимом, которая может вызвать жалость у присяжных⁸. При решении вопроса о доведении определенной информации о подсудимом Верховный Суд рассматривает значимость этой информации, а также какой стороной она озвучивалась — обвинения или защиты. Так, рассматривая довод апелляционного представления о сообщении стороной защиты сведений о наличии у подсудимого наркотической зависимости, судебная коллегия следующим образом разъяснила положение ч. 8 ст. 335 УПК: «В данном случае речь идет о недоедении до присяжных заседателей определенной информации с целью исключения возможных негативных последствий для подсудимых при разрешении основных вопросов. Подобные суждения нельзя распространять на оправдательный вердикт»⁹.

Отдельные обыкновения судебной практики в части определения объема запрещенной информации не являются бесспорными. Сложившаяся практика фактически расширила перечень такой информации, распространив запрет на исследование данных о личности на личность потерпевших и свидетелей. Так, Верховным Судом РФ был отменен приговор¹⁰, вынесенный судом с участием присяжных заседателей, так как в процессе исследования данные о судимости потерпевшего, способные вызвать предубеждение у коллегии. Обоснованность подобных решений вызывает сомнения, равно как и ссылка суда на положения ст. 15 УПК (состязательность сторон) и ч. 8 ст. 335 УПК. Очевидно, что выраженное в теории мнение¹¹ о преимуществе английской системы проведения допроса, включающей в себя постановку вопросов о репутации, является абсолютно верным, так как данные вопросы имеют своей целью проверку показаний, что необходимо для реализации принципа состязательности сторон. Аналогичные примеры имели место и в деле¹², в котором подсудимый и свидетели в присутствии присяжных заседателей упоминали о прежних судимостях потерпевшего, а председательствующий задал вопросы потерпевшей по этим фактам.

Рассмотренные выше презумпции обоснованности вердикта всей информацией, полученной в ходе процесса и незаконности вердикта, при вынесении которого была исследована запрещенная информация, являются неоспоримыми ввиду отсутствия процессуальных средств их опровержения с помощью доказывания. Тем не менее неограниченное применение второй презумпции создало

бы предпосылки для массовых отмен приговоров, вынесенных с участием присяжных, и связало бы законность вынесенного ими решения с действиями участников процесса, создавая как способы неограниченного влияния на стабильность вердикта, так и ставя ее в зависимость от случайной, неумышленной ошибки. УПК РФ указывает на необходимые действия председательствующего в случае нарушения сторонами соответствующих норм-запретов в ходе прений (ч. 2 ст. 336): ему надлежит остановить участника прений и разъяснить присяжным заседателям, что указанные обстоятельства не должны быть приняты ими во внимание при вынесении вердикта. Аналогичным образом ему надлежит действовать и при возникновении нарушений на иных этапах судебного разбирательства. Пленум Верховного Суда подчеркнул значимость рассматриваемых положений, указав, что «председательствующий судья... обязан принимать необходимые меры, исключающие возможность ознакомления присяжных заседателей с недопустимыми доказательствами, а также возможность исследования вопросов, не входящих в их компетенцию, при произнесении напутственного слова судья должен обратить внимание присяжных заседателей на то, что их выводы о виновности подсудимого не могут основываться на доказательствах, признанных недопустимыми»¹³.

Эффективные действия председательствующего рассматриваются в судебной практике как факт, полностью аннулирующий предоставление запрещенной информации коллегии¹⁴. Это положение является одним из частных проявлений общей презумпции исполнения присяжными инструкций судьи, которая признается исторически¹⁵ и стабильно прослеживается, в том числе в решениях Европейского суда. ЕСПЧ относит инструкции, обращенные к присяжным, к числу основополагающих гарантий справедливости судебного разбирательства, проводимого с их участием и компенсирующих немотивированный характер вердикта¹⁶. Российская правоприменительная практика аналогичным образом оценивает значение отдельных обращений судьи к присяжным и напутствия, произнесенного перед их удалением в совещательную комнату. Так, к примеру, рассматривая оглашение перед присяжными информации о трудовой деятельности подсудимого, Верховный Суд указал, что «данное обстоятельство не могло повлиять на вердикт коллегии присяжных заседателей, по-

⁸ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.05.2008 № 4-о08-41СП // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16 июля 2014 г. № 66-АПУ14-43СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.01.2007 по делу № 7-007-4СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Насонов С.А. Актуальные проблемы судебного следствия в суде присяжных и подходы к их разрешению // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1215–1221.

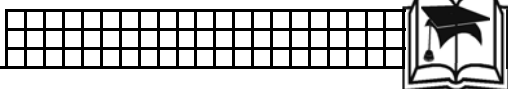
¹² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.01.2007...

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 22.12.2015) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (п. 24) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 5-АПУ15-50СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Владимиров Л.Е. Суд присяжных: условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. М.: Книга по требованию, 2012. С. 164.

¹⁶ См., напр.: Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу «Таске против Бельгии» (Tahquet v. Belgium) от 16 ноября 2010 г. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2471567/2471567-003.htm>

сколькx сказанное в этой части председательствующий судья просил присяжных заседателей не учитывать при обзудении вердикта»¹⁷.

Отчасти фиктивный характер изучаемой презумпции, сводящийся к полному нивелированию воздействия, оказанного на коллегию, с помощью инструкции председательствующего, требует по меньшей мере установления ряда требований к содержанию такой инструкции.

Судебная практика позволяет вывести правильную модель поведения председательствующего при оказании сторонами незаконного воздействия: все нарушения должны пресекаться; присяжным следует систематически напоминать о законном характере приводимых доказательств; в напутствии, указывая на то, что присяжные не должны учитывать при вынесении вердикта, не следует воспроизводить само содержание спорной информации¹⁸. Если попытка доведения запрещенной информации была пресечена своевременно (например, председательствующий снял вопрос стороны к свидетелю, и тот не успел на него ответить), то дальнейшие действия не требуются: «...после этого председательствующий не обращался к присяжным заседателям с какими-либо разъяснениями и просьбами. Судебная коллегия полагает, что в подобных случаях председательствующий не должен был обращаться к присяжным заседателям с какими-либо

просьбами и разъяснениями»¹⁹. Таким образом, механизм нейтрализации оказанного воздействия председательствующим зависит от существа допущенного нарушения (была ли информация озвучена, или была ли только предпринята попытка к этому) и, как правило, подразумевает не одновременное действие, а несколько обращений к коллегии, последнее из которых включается в напутствие.

Изученная судебная практика свидетельствует о том, что рассмотренные презумпции действуют системно, определяя содержание категории «обоснованность» применительно к вердикту: вердикт презюмируется обоснованным решением, в основе которого лежат все сведения, изученные в ходе процесса с участием присяжных, за исключением той информации, которая не должна была учитываться ими по указанию председательствующего судьи.

Данное положение свидетельствует о повышенном значении качества проведения этапов, предшествующих вынесению вердикта. Усиление объективности решения, выносимого присяжными, возможно только путем дальнейшего совершенствования механизмов, препятствующих получению «запрещенной информации» при одновременном обеспечении возможности получения максимально широкого перечня сведений, значимых для оценки доказательств и разрешения вопроса о виновности. Для решения этой задачи необходимо максимально взвешенное определение категории запрещенной информации, так как в настоящее время отнесение к ней ряда сведений в практике Верховного Суда остается дискуссионным.

¹⁷ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 14 июня 2011 г. № 41-011-65СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации № 25-011-4СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16 июля 2014 г...

Литература

1. Камнев А.С. Законность и обоснованность вердикта присяжных заседателей / А.С. Камнев // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1–2. С. 83–85.
2. Владыкина Т.А. Методологические основания производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей : монография / Т.А. Владыкина. М. : Юрлитинформ, 2016. 248 с.
3. Насонов С.А. Актуальные проблемы судебного следствия в суде присяжных и подходы к их разрешению / С.А. Насонов // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1215–1221.
4. Насонов С.А. Права и обязанности присяжных заседателей в судебном разбирательстве по уголовному делу: история и современность / С.А. Насонов // Юридическая наука и практика: история и современность : материалы I Международной научно-практической конференции : сб. науч. тр. ; отв. ред. И.В. Пантюхина. Рязань: ООО Издательство «Концепция», 2013. С. 209–213.
5. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография / И.Л. Петрухин. М. : Проспект, 2009. 192 с.
6. Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / Ю.А. Сериков ; науч. ред. В.В. Яков. М. : Волтерс Клувер, 2006. 184 с.
7. Владимиров Л.Е. Суд присяжных: Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств / Л.Е. Владимиров. М. : Книга по требованию, 2012. 267 с.

5 причин стать автором Издательской группы «Юрист»

Опубликование статьи дает мне возможность:

- 1** ПОВЫСИТЬ УЗНАВАЕМОСТЬ
В ЮРИДИЧЕСКОМ МИРЕ
- 2** ТЕСНО ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ
С КРУПНЕЙШИМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ ЮРИСТОВ
- 3** ВЫСКАЗАТЬ СВОЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ
И ПОДЕЛИТЬСЯ ОПЫТОМ С КОЛЛЕГАМИ
- 4** ПОВЫСИТЬ СВОЙ ИНДЕКС ХИРША
- 5** СТАТЬ АВТОРОМ АВТОРИТЕТНОГО ИЗДАНИЯ,
КОТОРОЕ ЧИТАЮТ ТЫСЯЧИ ПОДПИСЧИКОВ

avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08